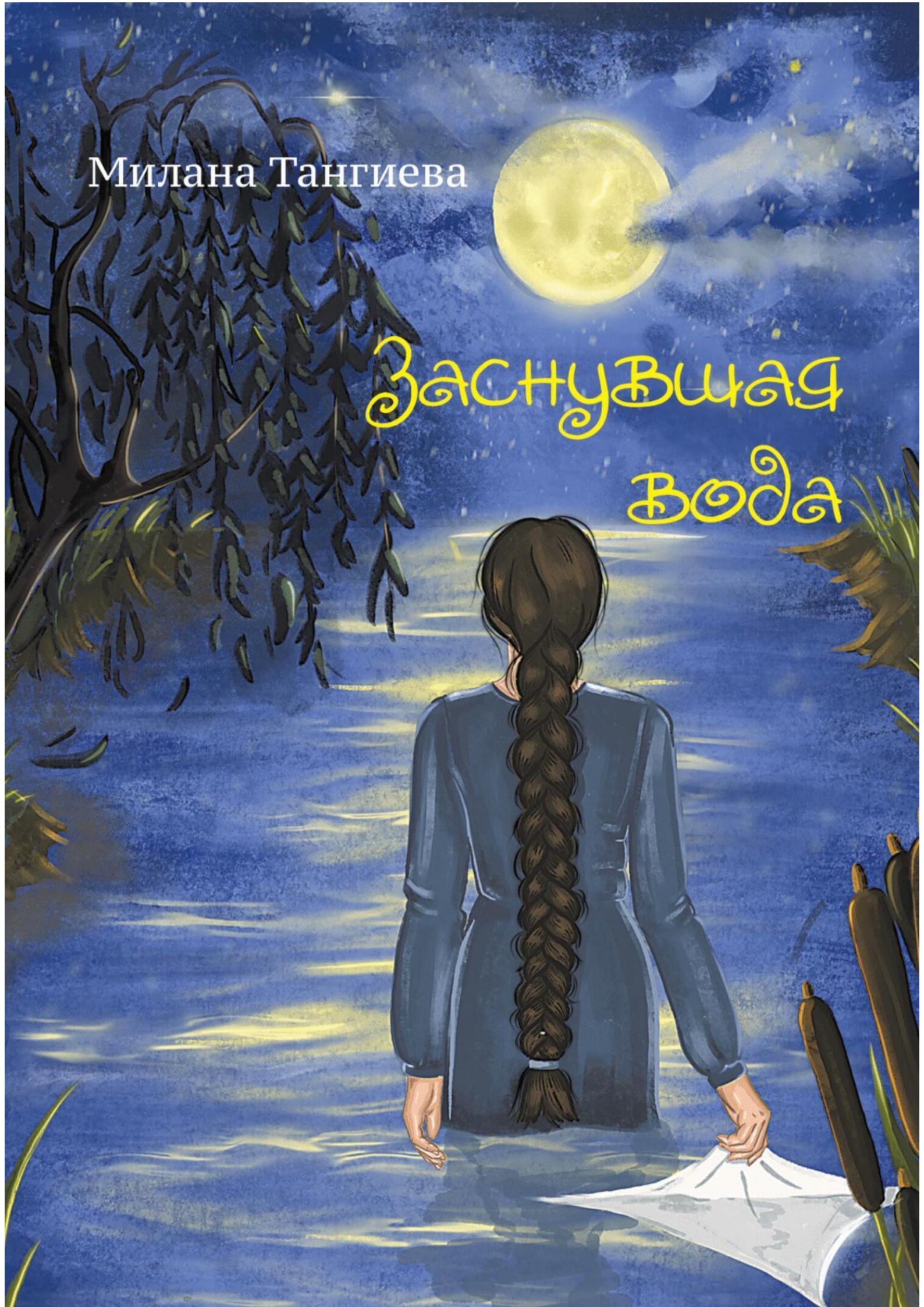

Милана Тангиева

Заснувшая
Бодя

Милана Тангиева

Заснувшая вода

«Автор»

2023

Тангиева М.

Заснувшая вода / М. Тангиева — «Автор», 2023

Сюжет книги, основанный на реальных событиях, произошедших когда-то очень давно, разворачивается на фоне величественных горных пейзажей, древних башен, бурных рек и звонких ручьев. События книги — счастливые и трагические, — охватив один лишь год, изменили целые жизни героев этой остросюжетной истории. Книга о вечной любви — романтической, безусловной, основанной на кровных узах, разной, но порой своей силой толкающей нас на безумства; о чести и долге, требующих высокой платы; о настоящей дружбе, сохранившейся, несмотря на непреодолимые обстоятельства. Книга о человеческих ценностях, что неизменны во все времена!

© Тангиева М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	39
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Милана Тангиева

Заснувшая вода

Глава 1

- Тайб, Тайб, – такой ласковый и родной, знакомый с детства голос раздался вдруг.
- Мама? Что это? Должно быть, сон?!
- Тайб, сыночек, где ты?
- Мама! Мама, я здесь! Я иду к тебе!

Встревоженный старец открыл глаза. Тяжело дыша, не отрывая головы от белоснежной подушки, он настороженно осмотрелся вокруг, стремительно переводя взгляд из одной точки пространства в другую. Сердце бешено колотилось в груди, вырываясь наружу, он поднес руки ко лбу и утер капли холодного пота. Сознание понемногу пробуждалось, вырисовывая в полумраке отступающей ночи знакомые картинки: небольшая комната с низким потолком, белые стены, деревянный шкаф напротив железной кровати, маленькое окно, занавешенное легкой бязью. Он все еще в отведенной специально для него комнате, в доме одного из своих старших сыновей.

«Значит, это был всего лишь сон?!» – старик выдохнул с облегчением, окончательно пробудившись. «Один и тот же сон которую ночь подряд! К чему бы это?!» – спрашивал он сам себя и отгонял прочь ответ, который так настойчиво приходил ему на ум.

Мама, такая молодая, красивая, в просторном белом платье, стоит посреди лесной поляны, залитой ярким солнечным светом. Ее длинные темно-коричневые волосы, струясь, спадают на плечи, и лучи солнца, пробиваясь сквозь них, горят так ярко, что черты ее лица едва различимы, но это она – его мама! Она стоит в высокой зеленой траве, среди разноцветия полевых цветов, улыбается и тянет ему навстречу руки. И он, маленький мальчик, бежит к ней, запрыгивает в ее объятия и растворяется в них. Он чувствует тепло ее тела, будто все происходит наяву, и ему так спокойно и хорошо, как когда-то в детстве.

– Мамочка, наконец-то я тебя нашел! – говорит он, прижимаясь к ней еще сильнее.

– Сыночек мой, я так тебя люблю! – отвечает она и гладит его по голове. – Устал, мой маленький?! Но ничего, теперь мы вместе, все будет хорошо.

Старик откинул теплое одеяло и присел на краю кровати, упершись руками в пуховую перину. Прохлада летней ночи нежно ласкала лицо, едва касаясь легким ветерком, залетевшим сквозь распахнутое окно, но воздуха не хватало. Сердце все еще отчаянно билось в тесной груди, подступая к горлу. Он опустил голову, зажмурил глаза и сделал глубокий вдох.

Просидев неподвижно несколько минут, белобородый старец наконец встал с кровати, быстро оделся и вышел во двор. На ходу перехватил широкую льняную рубаху тонким кожаным ремешком с серебряным кинжалом наперевес, укрыв лысую голову под невысокой шапкой-папахой из темно-серой каракульчи, следуя древнему обычаю, который свято чтители все мужчины его рода, передавая из поколения в поколение: никогда и ни при каких обстоятельствах не покидать дом, не подпоясавшись, с непокрытой головой. Старик ростом выше среднего и довольно крепкого для своего почтенного возраста телосложения остановился посреди двора, оставив позади невысокий одноэтажный кирпичный дом с черепичной крышей, который возвели на месте прежнего – небольшого, сложенного из саманных кирпичей, где он провел свои юные годы. Дом стоял посреди большого участка земли в предгорном селении Мочкь-ий-Юрт¹, что раскинулось на западе равнинной части Ингушетии². Невесомая прохлада мягко

---

¹ Село, основанное ингушом Мочкó Базоркиным в 1844 году.

обволакивала все тело. Лето 1927 года едва наступило, но уже заявило о себе изнуряющим дневным зноем, и лишь в эти предрассветные часы можно было ощутить негу остывшего за ночь воздуха. Чуть сдвинув рукой папаху на затылок, он провел широкой ладонью по лицу от лба до кончика своей седой, аккуратно постриженной бороды и вскинул голову к бескрайнему небесному простору. Бесчисленные звезды завораживали своим мерцанием. Темное небо невидимым куполом надвигалось со всех сторон. Пожилой мужчина отрешенным взглядом смотрел куда-то в пустоту, напрягая глаза изумрудного цвета, с бороздками глубоких морщин в уголках.

«Я действительно сильно устал! И даже где-то там, возможно, на небесах моя мама чувствует это!» – подумал он, глядя на звездное небо.

Таиб отвел взгляд. «Я всегда был человеком сильным и духом, и телом! Так было и будет всегда, пока я еще жив! И ни одна живая душа не должна усомниться в том! – сетовал он в мыслях сам на себя. – Этим я пошел в мать – у нее был железный характер! Иначе она не смогла бы вынести тех испытаний, что выпали на ее долю!

Таиб закрыл глаза, вспоминая материнский облик: «Давно уж нет ее на этом свете, а я все никак не примирюсь с этой потерей! Отец ушел и того раньше, и как же отчаянно мне не хватало его на протяжении всей моей долгой жизни! Мне бы лишь раз заглянуть в его глаза и увидеть в них одобрение и поддержку! Но не случилось. Я не успел узнать своего отца. Уверен: он был достойнейшим человеком и настоящим мужчиной! Мама рассказывала о нем так, будто до встречи с ним и не жила вовсе! – думал старик, жадно вдыхая полной грудью свежий воздух. – Надеюсь, они встретились там – в иной, неведомой мне жизни!» Таиб вновь обратил свой взор к небесам и усталым взглядом окинул темную гладь.

Неизвестно, сколько он простоял вот так в бежмятежной тишине перед рассветом, разглядывая бескрайнее небо. Вдруг его мысли прервал шум неторопливых шагов за спиной. Кто-то осторожно приближался со стороны дома. Старик широко открыл глаза, резко обернулся и оторопел. На какое-то мгновение ему вдруг показалось, прямо перед ним стоит его мать: те же рост и фигура, чуть вытянутый овал лица с высокими скулами. Невысокая, но очень стройная, с тонкими, длинными руками, мать до конца своих дней была хорошо сложена. И этот пронзительный взгляд огромных карих глаз. Уже не в первый раз отмечал он это сходство, и неспроста.

– Что-то случилось, Дáди?² – донеслось до него. – Это я, Лейлá.

Молодая девушка в белой блузке с длинными рукавами, заправленной в серую расклевашенную юбку в пол и с наспех навьюченным на голову платком стояла в метре от него и настороженно смотрела на взволнованного мужчину. Приглядевшись внимательнее, Таиб узнал в ней свою внучку, дочь своего старшего сына, которая так незаметно подросла и стала поразительно походить на его мать. «Зачем она здесь?» – пронеслось в голове.

– Я услышала шум и увидела, как ты покидаешь дом среди ночи! – словно отвечая на его вопрос, робко заговорила она. – Что-то случилось? Мне показалось, тебе нужна помощь.

– Ничего не случилось, – недовольно ответил Таиб, отворачиваясь от девушки, – а даже если и так, с чего ты решила, что можешь помочь мне?! – разгневался он, отвечая ей через плечо.

– Я всего лишь принесла тебе воды, – виновато отозвалась Лейла, протягивая ему до краев наполненную алюминиевую кружку с длинной широкой ручкой. Таиб неохотно принял кружку и тут же осушил ее на одном дыхании.

---

² Ингушская АО в составе РСФСР.

³ Уменьшительно-ласкательное обращение к бабушке у ингушей – одного из древнейших народов Северного Кавказа, коренного населения Ингушетии.

– Иди в дом! – скомандовал он, возвращая пустую посуду. – Нечего девушке по ночам бродить по двору.

– Я никуда не уйду, не убедившись, что с тобою все в порядке! – вдруг решительно заявила девушка, уверенно взглянув на деда.

Таиб удивленно поднял брови и медленно развернулся к внучке.

«Посмотри-ка: такая же дерзкая, как Пáчи – моя мать, – подумал изумленный мужчина, – недаром она мне напомнила ее! Похоже, их сходство не только внешнее!»

В душе он даже порадовался этому, но внучке ответил строго:

– Как смеешь ты так со мной говорить?! Видно, твои родители не научили тебя почтению и смирению?!

– Не сердись, Дади. Я просто испугалась за тебя, увидев, как ты в спешке покидаешь ночью дом, – обиженно сказала Лейла, хлопая длинными ресницами. – Присядь, Дади, – не отставала она, указывая на скамейку, стоящую тут же, у черешневого дерева.

Ее участие было таким искренним и подкупающим, и старик сменил гнев на милость.

– Если только ты присядешь со мной, – взглянув на внучку, предложил Таиб, поглаживая седую бороду.

– Ты же знаешь, я не могу сидеть в твоём присутствии, – удивилась девушка.

– Можешь, когда никто не видит! Я разрешаю! – заверил он, опускаясь на скамью.

– Нет, Дади, я лучше постою, – отказалась Лейла.

– Садись! – приказал мужчина, пристально глядя на растерянную девушку.

Она покорно присела с краю. Таиб одобрительно кивнул головой. С минуту оба сидели молча, не зная, как продолжить начатый разговор.

– Так что же заставило тебя подняться с постели? – наконец робко спросила Лейла, немного погодя.

– Странный сон, – ответил Таиб.

Лейла настороженно взглянула на деда.

– Мне приснилась мать, – сказал Таиб, потирая колени, она звала меня, – он обернулся к девушке, удивляясь своей откровенности.

– И ты решил, что она пришла за тобой? – вдруг предположила Лейла.

– А ты думаешь, мне уже пора? – спросил Таиб, вкрадчиво взглядываясь в глаза внучки. – Не такой уж я и старый! – заключил он.

– Что ты, Дади! Нет, конечно, ничего такого я не думала! – встрепенулась Лейла. – Наверное, мать даже после смерти видит, что ее ребенку плохо, – Лейла вскинула брови. – Она пришла во сне, чтобы утешить тебя.

Девушка пожала плечами, отводя взгляд. Таиб тут же изменился в лице.

– А чего ты взяла, что мне плохо? – изумился он.

– Мне показалось, в последние дни у тебя что-то очень сильно болит, причиняя невероятные страдания, но ты изо всех сил стараешься, чтобы этого никто не заметил, – ответила ему Лейла.

Таиб был поражен ее пронизательностью.

– Откуда ты можешь знать все это? Ты ведь еще так молода! – только и сказал он.

– Мне уже почти восемнадцать! – гордо заявила девушка. Таиб лишь улыбнулся в ответ, качая головой.

Вокруг было тихо и спокойно. Теплый летний воздух, наполненный ароматами трав и цветов, нежно окутывал, отгоняя тревожные мысли. Тихо шелестела листва на деревьях в саду, успокаивая ненавязчивым шепотом. Ночь медленно отступала, чуя приближение зарождающейся на востоке зари. Одиночные птичьи голоса, сливаясь в громкий хор, пробуждали природу своим разливистым пением.

Таиб дышал полной грудью, прислонив спину к широкому стволу старого дерева. Лейла сидела рядом и осторожно наблюдала за дедом.

«В одном она была права...» – размышлял Таиб над словами внучки. Последнее время мужчина, разменявший девятый десяток, действительно испытывал приступы жуткой боли в пояснице и подозревал, чем они могут быть вызваны, но боялся сам себе в этом признаться: старая болячка, которую он растревожил по собственной глупости в тот день, когда решил навестить семью одного из своих сыновей. Накануне он много ездил верхом и, устав от седла, решил пройтись пешком, благо сыновья жили недалеко друг от друга.

– Я только начал свой путь. Погода располагала, и я шел не спеша, наслаждаясь погожим днем, – вспоминал Таиб, – тут я заметил девушку красоты необыкновенной. Белая кожа, раскосые глаза под темными бровями, яркий румянец на круглых щеках. Да и фигурой хороша: покатые плечи, высокая грудь, тонкая талия, крутые бедра. Она собирала опавшие с дерева сливы и так ловко и грациозно управлялась с созревшими плодами, то опускаясь к земле, то поднимаясь во весь рост, откидывая за спину непослушную черную косу, что я невольно засмотрелся. А поравнявшись с ней, сказал: «На такой красавице я бы хоть сейчас женился!» Она, продолжая свою работу, лишь бросила на меня надменный взгляд и ответила: «А сил хватит у старика на молодую жену?» И разошлась залихватским смехом. Тут и соседские девушки подоспели, и от их дружного хохота уже звенело в ушах. Меня ничуть не обидели ее слова. Молодость – это несомненное преимущество, но только зря она их произнесла! Мне бы рассмеяться им в ответ и продолжить свой путь, только не в моем это характере! Я оглянулся по сторонам и заметил толстое бревно, перекинутое тут же через широкий арык. Подойдя поближе, обхватил бревно обеими руками, одним рывком водрузил его на плечо и зашагал вверх по улице, не прогибая спины. Смех позади понемногу утихал, а я так и шел с бревном наперевес, пока не скрылся из виду девушек за поворотом. Не знаю, как добрел, силы потратил нечеловеческие! И только сбросил бревно, как через всю спину прошла такая жгучая боль, что из глаз посыпались искры и перехватило дыхание. Чуть отдышавшись, ругая сам себя на чем свет стоит за эту никчемную юношескую браваду, я кое как добрел до дома сына, да там и слег на несколько дней. Хорошо, что родные мои обрадовались этой нечаянной задержке. Я не стал вдаваться в подробности произошедшего, только сказал, что останусь подольше. Через пару дней приехал мой старший сын, забрал меня к себе и настоял, чтобы я задержался и у него тоже. Вот так и оказался я под черешневым деревом посреди ночи, встревоженный увиденным во сне.

Старец потер морщинистый лоб: «А может, и правда мама пришла за мной? Кто знает? Только что об этом может знать моя внучка? Она ведь еще так молода! А что могла знать о жизни моя мать в свои 16 лет?»

– А какой она была? – вдруг спросила Лейла.

– Кто? – отозвался Таиб, оторвавшись от размышлений.

– Моя прабабушка – Пáчи, – уточнила Лейла. Таиб оторвался от дерева и выпрямил спину.

– Красивая, смелая, сильная! – гордо произнес он, глядя на внучку, – а еще очень добрая и отзывчивая! – Таиб отвел взор и на мгновение задумался, будто вспомнил о чем-то важном, – Почему ты спрашиваешь? – поинтересовался он.

– Про нее ходят легенды, но все передают их по-своему, – ответила Лейла. – Ты знал ее лучше всех. Расскажи, как все было на самом деле. Прошу тебя! – взмолилась она.

– Всё, что ты слышала, – это всего лишь людские домыслы! Я никому о ней не рассказывал! – рассерженно ответил Таиб.

– Почему?! – не унималась Лейла.

– Потому что она бы этого не одобрила, – заключил Таиб.

Лейла опустила глаза, не сказав ни слова. Она все поняла и больше ни о чем не спрашивала. Просто сидела молча, опустив голову, думая о чем-то своем. Некоторое время оба

просидели вот так безмолвно, не тревожа друг друга. Лейла изредка украдкой поглядывала на деда, тот сидел неподвижно, то опуская, то поднимая тяжелые веки, пока вдруг не решил прервать это молчание.

– Скоро рассвет, тебе лучше вернуться в дом, – сказал он, участливо глядя на внучку. – И я скоро пойду, только передохну немного. Я и впрямь неважно себя чувствую, чего уж тут скрывать!

Лейла кивнула головой и поднялась со скамейки.

– А скоро настанет новый день, посмотрим, что он с собой принесет, – добавил он. Лейла пристально посмотрела на деда, в глазах сверкнула надежда.

– Иди у же! И не беспокойся: со мной все будет в порядке, – заверил Таиб.

Глядя вслед удалявшейся внучке, Таиб думал о том, что она, по сути, еще совсем юная девушка, так тонко прочувствовала смятение в душе уже довольно пожилого человека. «А ведь мне очень много лет, – размышлял про себя Таиб, – но не уверен, что в свои восемьдесят два я понимаю эту жизнь лучше, чем эта девочка сейчас, больше, чем моя мать в ее возрасте. Судьба, случай, стечение обстоятельств... Назови как угодно, истина неизменна: мы принимаем эту жизнь, как только можем, и не стоит корить себя за это».

Оставшись один посреди пустого двора, слушая предрассветную тишину под биение собственного сердца, Таиб растворился во времени. Меж тем ночь торопливо отступала, звезды бледнели, одна за другой исчезая вовсе с небосклона, солнечный свет пробивался сквозь горные хребты, растянувшиеся в дали. Приближалось время утренней молитвы, и старец, медленно поднявшись со скамьи, семеня ватными ногами, поспешил в дом.

Утро наступившего дня Таиб проспал как убитый. Старика разбудила Лейла, осторожно постучав в дверь его комнаты.

– Дади, ты уже проснулся? – тихо спросила она, замерев в ожидании ответа.

«Похоже, про меня забыли все, кроме этой девочки», – подумал Таиб, глядя в окно, в которое ярко светило солнце, приближаясь к зениту.

– Родители прислали меня узнать, не нужно ли тебе чего, – словно прочитав его мысли, сказала Лейла.

– Иди передай родителям, чтобы не беспокоились, я уже встаю, – отозвался Таиб, поднимаясь с кровати. Шурша подолом юбки, Лейла медленно удалилась от комнаты деда.

Таиб умылся, оделся и вышел на крыльцо дома сделать глоток свежего воздуха. Он посмотрел вдаль, и его взору открылся знакомый с детства горный пейзаж: величественные горные цепи с выдающимися вершинами – то в каменном обличье, то покрытые зеленью, а то и вовсе заснеженные. Лишь только окинешь взглядом эту вековую красоту, ощутишь свою родовую принадлежность к этим бескрайним просторам, душа наполняется светлой радостью и счастьем, оттого что в этом огромном мире у тебя есть свое место и оно так прекрасно...

Во дворе все были заняты своими делами. Заметив Таиба, сразу засуетились вокруг него, пытаясь угодить.

– Вот так умру, а вы и не заметите! – будто обиженный ребенок, обратился к окружающим пожилой мужчина. К нему тут же подошли сын со снохой – поздороваться и спросить о самочувствии. Сын внешне походил на отца, но был выше ростом и с густой черной бородой. Его жена была крупной высокой женщиной, сродни мужу. Ответив на их приветствие, Таиб с радостью подался к внукам, которые друг за другом спешили к деду, обнимали его и отходили в сторонку. Уделив всем внимание, довольный старик, улыбаясь, глядел на своих наследников, частью которых являлась семья его старшего сына. Затем, не сговариваясь, все домочадцы неспешно вернулись к своим привычным занятиям. Девушки хлопотали на кухне, женщины возились с домашней птицей и скотиной. Мужчины – кто постарше, работали в поле, другие и те, кто помоложе, помогали по двору или выполняли иные поручения вне дома.

Быстро позавтракав, Таиб послал за Лейлой, памятуя о ее вчерашней просьбе. Внучка не заставила себя долго ждать.

– Ты звал меня, Дади? – терялась в догадках взволнованная Лейла.

– Собирайся, прогуляемся немного! Тут недалеко, – скомандовал Таиб.

– Хорошо! – радостно отозвалась Лейла. – Я только скажу маме.

– Я буду ждать тебя в саду. Поторопись! – сказал Таиб, нарочно делая акцент на последнем слове. Воодушевленно закивав головой, Лейла побежала в дом...

Ожидая внучку, Таиб прохаживался среди плодовых деревьев, с любовью высаженных заботливыми хозяевами. Широкие яблони, стволы которых были похожи на растрескавшуюся от засухи землю, тонкие, устремленные ввысь сливы, стройный абрикос, дикая груша, вишня с черешней, а по периметру ровные ряды черной и красной смородины...

Таиб потянулся к поспевающей черешне, и тут же больная поясница дала о себе знать, но упрямый старик завершил задуманное, полакомившись сладкой мякотью и сплюнув маленькую твердую косточку.

Лейла появилась через несколько минут. Молча они прошли через сад и направились к лесной поляне – той самой, что Таиб видел ночью во сне. Лейла шла чуть позади деда, осторожно осматриваясь по сторонам.

– Что ты сказала матери? – поинтересовался Таиб, заглядывая через плечо.

– Правду! – не колеблясь ответила Лейла. – Ты решил прогуляться, а я буду рядом на случай, если тебе что-нибудь понадобится, да и веселее вдвоем, – заверила девушка.

– А что ты взяла с собой? – спросил старик, указывая на небольшой холщовый мешок у нее в руках.

– Да так, ничего особенного: воду, несколько кукурузных лепешек, сыр. Вдруг ты проголодаешься или тебя замучает жажда, – невозмутимо ответила она. Таиб одобрительно кивнул головой, и они устремились вперед.

«Замечательная внучка у меня подросла, а я и не заметил, – подумал Таиб поглядывая на Лейлу. – Жизнь течет своим чередом, как вода в горной реке: то бежит, сметая все на своем пути, то замедляет ход, набираясь сил для нового рывка за следующим поворотом».

И вот уже они достигли заветной цели. Здесь, на этой широкой лесной поляне, усыпанной полевыми цветами и выстланной сочной зеленой травой, среди привычных и родных природных пейзажей, Таиб чувствовал себя умиротворенно: «Мать часто приводила меня сюда. Как же давно это было... Мы дурачились, играли в прятки, просто валялись в траве, собирали цветы. Мама вплетала их в венок, распускала свои длинные косы и водружала его на голову, как корону. Потом брала меня на руки и кружила, кружила крепко прижимая к себе, а я, маленький мальчик, визжал от восторга. Оттого, что мама рядом и никто и ничто в эти минуты безмерного счастья не может нам помешать! Через поляну бежала небольшая, но очень быстрая речушка. Она и сейчас шумит где-то неподалеку. В жаркий летний день мы садились на ее берег, опускали в прохладную воду ноги и поднимали брызги такой высоты, что мгновенно промокали с ног до головы. Радости моей не было предела! Мама смотрела на меня с любовью и нежностью, широко улыбаясь. Под палящим солнцем мы тут же обсыхали. Вдоволь нарезвившись, мы укрывались в тени тутового дерева. Мама расстилала покрывало, устраивалась на нем, я садился рядом и клал голову на ее колени, а она гладила рукой мои волосы, что-то тихо напевая. Я безмятежно засыпал, и до тех пор, пока не высплюсь, мама сидела неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы ненароком не потревожить мой сон. В конце июня, когда созревали плоды тутового дерева, они осыпались тут же на покрывало так, что, проснувшись, я с удовольствием лакомился ими. Эти чудесные мгновенья мне не забыть никогда! Мое счастливое детство – это заслуга моей матери! Порой мне так отчаянно ее не хватает! Она была моей опорой и защитой! Одна только мысль, что она живет в этом мире, придавала сил, вселяла надежду на то, что все будет хорошо, потому что есть человек, который любит тебя не за что-то,

а просто так, безусловно. Я прожил долгую, насыщенную яркими событиями жизнь, и память все чаще играет со мной в странные игры, путая в своих лабиринтах, но есть воспоминания, которые останутся со мной навсегда!»

– Мы пришли, – выдохнул Таиб, отвлекаясь от своих мыслей.

Лейла стояла рядом, теряясь в догадках и не очень понимая сути происходящего.

– Красивое место, но зачем мы здесь? – поинтересовалась она.

– На этой поляне я видел мать во сне прошедшей ночью, – ответил старик, касаясь рукой высокой травы. – В этих местах прошло мое безмятежное детство.

Лейла с удивлением глядела на деда.

– Ты все еще хочешь узнать о Пачи? – многозначительно спросил Таиб, взглянув на девушку. В тот же миг ее глаза загорелись от радости и неожиданно открывшейся возможности услышать желанную историю. Лейла закивала головой.

– Давай присядем, где-нибудь, – предложил Таиб, оглядываясь вокруг, – дорога меня утомила.

– Конечно, Дади! – согласилась Лейла.

Отойдя на несколько метров к лесной полосе, Таиб сел прямо на траву меж ветвистых деревьев, прислонившись к одному из них. Лейла устроилась у другого, пообещав присесть рядом, если устанет стоять.

– Догадываюсь, о какой «легенде» ты спрашивала меня вчера, – начал Таиб, немного отдышавшись. – Тебя, наверное, интересует «загадочная» предыстория моего появления на свет? – продолжил мужчина, взглянув на внучку.

– От тебя ничего не скроешь, Дади! – сказала Лейла. – Ты знаешь все!

– Я слишком долго живу на этом свете, – с некоторой горечью в голосе констатировал Таиб.

– Не говори так, Дади, тебе просто нездоровится, – успокаивала его девушка.

– А знаешь, какая легенда больше всего мне по душе? – оживился Таиб. – Говорили, когда, будучи грудным младенцем, вдоволь насытившись материнским молоком, я отрывал ртом лишний воздух или делал это иным способом, моя мама раздавала сладкие угощения соседской ребятне от радости, что я здоров и чтоб и впредь оставался таким!

Лейла широко улыбнулась.

– Но вернемся к той истории, что интересует тебя, – предложил Таиб. – Моя мама сказала мне ее лишь однажды, и думаю, не сделала бы этого вовсе, не будь на то крайней необходимости. Она понимала, что нам обоим может быть неловко, переживая некоторые моменты, но правду я мог узнать только от нее. Ты напомнила мне мою мать, и, наверное, поэтому я откроюсь тебе. Надеюсь, ты правильно поймешь мою откровенность, да и стар я уже, сентиментальным стал.

Лейла с благодарностью за доверие взглянула на деда.

– Эта удивительная история началась одним ясным теплым летним днем, быть может, таким же, как сегодняшний, семьдесят лет тому назад! – начал свой рассказ старик. – Жаркое лето только-только набирало свою силу. Кругом все утопало в зелени, по земле мягким ковром расстилалась зеленая трава, птичьи голоса распевали на разные лады. Чистый горный воздух, смешиваясь с запахом луговых цветов, сладко пьянил. Две юные девушки, две близкие, неразлучные с детства подруги шли по воду к роднику с высокими кувшинами наперевес. Они залиvisto смеялись, время от времени что-то шептывая друг другу на ухо, будто боялись, что кто-то услышит их самые сокровенные мысли, хотя вокруг не было ни души. Солнце уже стояло в зените, щедро расточая свое тепло. Обе девушки были хороши собой: в длинных платьях прямого кроя, перехваченных на талии широкими поясами, на ногах – летние сафьяновые туфли. Одна – невысокого роста, с копной густых темных волос, заплетенных в две тугие косы, что спускались ниже пояса, раскачиваясь в такт движениям ее стройного тела. Легкий платок

цвета неба покрывал ее голову, переплетаясь на длинной шее, падал на плечи, свободными концами уходя за спину. Цвет платка выгодно оттенял ее смуглую кожу с персиковым отливом, большие, чуть раскосые карие глаза. Широкие брови поднимались крутым изгибом. Маленький – словно выточенный – носик, пухлые, аккуратно очерченные губы. Другая – высокая, стройная, с волосами цвета осенней листвы, вьющимися мелкими кольцами, прибранными в толстую косу. Платок прикрывал ее непослушные волосы, переплетаясь на правом плече так, что один широкий конец ложился на грудь, а другой струился по спине. Белокожая, синеглазая, с чуть вздернутым небольшим носом, который она морщила всякий раз, выражая свои живые эмоции. Девушки были разными не только внешне, но и внутренне. Та, что невысокая, кареглазая – Пачи – была немногословная, всегда сдержанная в проявлении своих чувств, а та, что выше ростом со светлой кожей, – Лема – открытая, в противоположность подруге, неунывающая, отличалась веселым нравом.

Они нарочно выбрали этот полуденный час, чтобы наговориться вдоволь вдали от сторонних глаз, пока еще не было других девушек, пришедших по воду, и парней, желающих украдкой взглянуть на юных девиц, как это обычно бывает у родника в утренние часы и ближе к вечеру. Следуя суровым законам гор, строго ограничивающим общение молодых людей, юноши и девушки пользовались этой случайной возможностью обменяться невинными взглядами, обозначив свою симпатию, перекинуться парой фраз – и не более того. Но иногда у родника вершились судьбы: парень мог заручиться согласием девушки на будущую женитьбу и попросить в залог какую-нибудь принадлежащую ей вещь. Сходить к роднику за водой было не только жизненной необходимостью. Здесь негласно дозволялось то, что в других местах строго возбранялось! Молодые люди беспрекословно подчинялись воле родителей, в том числе и в выборе будущих мужей и жен, и лишь немногие смельчаки отваживались делать это выбор самостоятельно. Впрочем, Пачи с Лемой были не из робких, сердца их были свободны, и они безмятежно наслаждались общением и радовались, что никто не мешает им вдоволь наговориться, насмеяться, отвлечься от домашних хлопот. Они свернули с главной дороги, чтобы спрятаться от палящего солнца в тени высоких деревьев, и поспешили к роднику окольной дорогой. Пачи и Лема знали друг друга с детства, живя по соседству, семьи их общались почти по-родственному.

– А помнишь, как мы впервые пришли сюда? – спросила Лема, улыбаясь.

– Забудешь такое! – подхватила Пачи, – С нелепым маленьким ведром – одним на двоих вместо медных кувшинов!⁴ – девушка наигранно закатила глаза наверх и покачала головой.

– Нам было, наверное, лет по семь? – вспоминала Лема.

– Точнее, мне почти восемь! – добавила Пачи.

– Да! – согласилась Лема. – И родители решили, что с большими кувшинами мы не справимся!

– Зато теперь, когда мы стали в два раза старше, у каждой есть свой! – кивая на высокий кувшин в руках, улыбнулась Пачи.

– Посмотри только, как блестит мой кувшин! – хвасталась Лема, подняв кувшин к небу. Вокруг тут же заиграли бесчисленные солнечные блики, падая на деревья, на траву, на лица девушек. Пачи прищурилась, прикрывая глаза свободной рукой.

– А почему твой не начищен до блеска? Наверное, снова все утро верхом на лошади проскакала? – обращаясь к подруге, стыдила Лема. – Смотри, доскачешься, – продолжала она, – ни один парень тебя за муж не возьмет, узнав о твоём невинном увлечении!

---

⁴ Металлический сосуд для переноса воды – широкий, внизу округлый, с длинным или коротким узким горлышком и ручкой.

– Тише ты, зачем же так кричать? – полушепотом произнесла Пачи, оглядываясь по сторонам и бросая на подругу недовольный взгляд.

– Да ведь нет никого вокруг, и не кричу я вовсе, – обиженно ответила Лема, невольно переходя на шепот вслед за Пачи. – И знаешь что, подруга, иди-ка ты первая к воде, а то и в самом деле кого-нибудь встретим, и твой нечищенный кувшин испортит все впечатление.

Пачи с улыбкой взглянула на Лему:

– Ну чего ты надулась? Да научу я тебя ездить верхом, пусть даже не так быстро, как я думала!

– Можно подумать, мне больше не чем заняться! – ответила Лема, отворачивая голову. – А ты иди, иди, – вновь обернувшись к Пачи, настаивала Лема, – и посмотрим, кто из нас окажется на коне!

Пачи лишь покачала головой:

– Как скажешь, подруга.

Девушка стремительно понеслась к роднику, на ходу размышляя, надолго ли хватит у Лемы терпения, прежде чем она поспешит вслед за ней, как вдруг, заметив мужскую фигуру в нескольких метрах впереди от себя, едва успела остановиться, ухватившись за дерево. У родника, развернувшись боком, опустившись на одно колено, сидел красивый юноша, раскинув полы своей темной черкески⁵, надетой поверх черной шелковой рубахи с длинными рукавами, отведя за согнутую ногу длинный кинжал, погруженный в серебряные ножны, закрепленный на тонком кожаном пояске. Рукава черкески были закатаны до середины плеч в широкий манжет. Плотное сукно, облекая его мускулистую фигуру, обозначало все ее достоинства. Невысокая серая папаха лежала подле него на траве. Юноша опускал руки к роднику, набирал в них воду и подносил ко рту. Неподалеку стоял его конь и пил воду из реки, в которую впадал родник. Жеребец был под стать своему хозяину. Он вальяжно переставлял свои стройные ноги, вытягивал к воде длинную шею, гладкая, блестящая шерсть лоснилась под солнечными лучами. Утолив жажду, юноша встал в полный рост спиной к реке, расправив широкие плечи. Солнечный свет, упав на металлические крышечки газырей⁶, расположенных в двух маленьких кармашках с обеих сторон на груди, осветил его лицо. Прямые, черные как смоль волосы мягко ложились на высокий лоб, легко касаясь широких бровей, падали на выступающие скулы, впалые щеки, обозначая четкий, чуть вытянутый овал лица. Прямой нос, красивые губы на гладкой белой коже лица завершали приятный облик. Пачи осторожно разглядывала его, вытянув голову из-за широкого ствола липы, разводя в стороны ее тонкие ветви.

Будто почувствовав чье-то присутствие, юноша вдруг резко посмотрел точно в то место, где стояла Пачи. Она тут же оторвала руки, ветки задрожали, громко шумя растревоженной листвой. Пачи спрятала голову, прижавшись всем телом к дереву, словно хотела прирасти к нему.

– Только бы он меня не заметил! Только бы не заметил! – шептала она, зажмурив глаза. Юноша медленно повернулся к роднику, поглядывая через плечо в укрытие Пачи.

– От кого это ты тут прячешься? – неожиданно налетела на нее Лема.

В один миг Пачи оторвалась от дерева и потянулась к подруге. Девушка прижала одну руку к губам Лемы, а указательный палец другой приложила к своим губам. Испуганно взглянув на подругу, она часто-часто замотала головой из стороны в сторону, затем вдруг замерла и, пристально глядя на Лему, вопросительно подняла брови. Изумленная Лема осторожно кивнула головой. Пачи медленно отняла руки.

– Ни от кого я не прячусь! – прошипела она.

---

⁵ Мужская одежда у кавказских горцев: узкий длинный, затянутый в талии кафтан без воротника, с клинообразным вырезом на груди.

⁶ Герметически закрываемый цилиндрический пенальчик, резервуар для заранее отмеренного порохового заряда.

Удивленная более чем странным поведением подруги, Лема настороженно смотрела на Пачи, потом медленно перевела взгляд в сторону и сразу поняла, в чем тут дело.

– Ах вот оно что! – иронично сказала она. – Вот от чего твой разум помутился! Стоило лишь на мгновение оставить тебя одну!

– Говори тише! – попросила Пачи, украдкой поглядывая на незнакомца.

– Дай-ка я получше рассмотрю того, кто так смутил тебя, – подначивая, добавила Лема и шагнула вперед, отстраняя Пачи.

Высокий, широкоплечий, подтянутый черноволосый парень стоял на открытой поляне у невысокого оврага, в низине которого бил родник, впадавший в быструю горную речку. С противоположной стороны поляна была окружена многочисленными густорастущими деревьями, сквозь которые пролегла узкая тропинка, ведущая от широкой, выложенной речным камнем дороги к роднику. Парень присел на корточки, намочил руки родниковой водой и провел ими от лба к затылку, пригладив волосы. Затем поднялся, поставил руки на пояс и повернул голову в сторону, где прятались девушки, демонстрируя красивый профиль. Он лишь повел бровью, напряженно наморщив лоб.

Девушки невольно прижались друг к другу, боясь шелохнуться и обнаружить себя.

– Откуда здесь взялся этот красавец? – шепотом спросила Лема, не сводя глаз с незнакомца. – Думаешь, он нас заметил?

– Да что ты! Бурный поток реки навряд ли шумит сильнее тебя! – ответила Пачи. Лема недовольно взглянула на подругу.

– Можно подумать, ты пищишь, как комар! Твой говор, наверно, слышно на противоположном берегу той самой реки, – буркнула она.

– Да тише ты! – Пачи спряталась за дерево, потянув за собой Лему. И вот уже снова обе разглядывали юного красавца, не скрывая восхищения, но при этом все же немного смущаясь.

– Знаешь легенду о заснувшей воде? – первая заговорила Лема, продолжая любоваться незнакомцем.

– Ты о чем? – посмотрев на нее удивленно, спросила Пачи.

– Говорят, если в день, который бывает лишь раз в году, войти в бегущую реку и вода вокруг тебя вдруг остановится, будто уснула, в тот самый миг ты можешь попросить о чем угодно – все исполнится! Только нужно успеть пожелать очень быстро, пока спящая вода не проснулась!

С интересом слушая подругу, забыв ненадолго о юноше, что лишь мгновение назад владел всем ее вниманием, Пачи подняла свои черные брови.

– Это невозможно! – ответила она. – И к чему ты об этом сейчас?

Лема изумленно взглянула на Пачи.

– Если бы я оказалась в заснувшей воде, я бы пожелала себе такого мужа, как этот красавец! – Лема игриво закатила глаза, при этом томно вздыхая.

– Сумасшедшая! – сдерживая смех, заключила Пачи. – А как же Заам? – спохватилась Пачи вдруг.

– При чем тут Заам? – удивилась Лема.

– Мне показалось, он как-то иначе стал относиться к тебе, – предположила Пачи.

– Да твой брат попросту меня не замечает! – заключила Лема. – Что, согласишься, странно. Ведь мы дружны с детства, – добавила она.

– Вот это истораживает, – заметила Пачи. – Я думаю, он к тебе равнодушен.

– Перестань, Пачи, – Лема недовольно зашипела на подругу, – он еще такой юный!

– Насколько я знаю, вы ровесники, – удивилась Пачи.

– Я говорю не о возрасте! – ухмыльнувшись, сказала Лема. – Взгляни на него, – она кивнула в сторону молодого человека, который так и стоял, не оборачиваясь, у края оврага, широко расставив ноги, держа руки на поясе, озираясь вокруг, как хищник на охоте. – Весь его облик

выдает в нем уверенного в себе мужчину. Посмотри на эту прямую широкую спину, крепкие руки, а как твердо он стоит на земле! – Лема посмотрела на Пачи: та, как замороженная, глядела на незнакомца, обдумывая каждую фразу, сказанную Лемой. – Вот мне бы такого! – с придыханием добавила Лема и снова закатила глаза.

– Ну хватит уже так откровенно рассматривать его! – прошептала Пачи, стыдливо отводя глаза.

– Ты права, к чему тратить время на пустые мечты? Зачем верить какой-то легенде и надеяться на чудо? – сказала Лема и сделала решительный шаг вперед.

– Стой! Куда ты, что ты делаешь?! – разгадав намерения Лемы, пыталась остановить подругу Пачи, хватая ее за руки. Но тщетно: Лема уверенно устремилась к своей цели, отстраняя Пачи.

Услышав шум, юноша резко обернулся и оторопел. Он явно не рассчитывал застать здесь кого-то. Увидев девушку с кувшином в руках, он смущенно опустил голову и отступил, уступая дорогу, в рывке поднял папаху с земли и водрузил ее на голову. Лема прошла мимо, едва не задев его плечом. Одарив юношу томным взглядом, она присела у родника и поднесла кувшин к воде. Юноша изумленно вскинул брови, отвел растерянный взгляд и, подойдя к своему коню, погладил его по шелковистой гриве. И тут вдруг Лема подняла глаза и, пристально глядя на юношу, запела как бы невзначай:

– И быстрая река, мама, унесла мое золотое колечко! – донеслось до Пачи.

«Вот бесстыжая!» – подумала Пачи. Сгорая от стыда, она развернулась и пошла в сторону каменной дороги, подхватив свой кувшин, не дожидаясь развязки.

Изумленный юноша вмиг вскочив на коня, развернул его к тропе идущей от родника и помчался прочь.

Пробираясь меж деревьев, Пачи с силой отбрасывала назойливые ветви, попадавшие ей под руку. Она негодовала и злилась на себя и на Лему за столь непристойное для девушек поведение. Пачи знала, как подруга умеет переводить в шутку даже серьезные вещи, но сейчас ей было так неловко, будто это не Лема, а она сама прошла к роднику, так откровенно навязав свое присутствие незнакомому юноше. «И как теперь вернуться за ней? – думала Пачи. – Вот пусть выкручивается сама, взбалмошная девчонка!»

Эмоции захлестнули Пачи целиком. Она и не заметила, как ступила на широкую каменную дорогу. И вдруг, как вспышка света, перед глазами, блестя подковами, вскинулись конские копыта, чуть не задев лицо Пачи. Жеребец громко заржал, встав на дыбы, едва не скинув седока, который пытался предотвратить неминуемое столкновение с возникшей ниоткуда девушкой. Не успев прийти в себя, Пачи замерла от ужаса и выронила кувшин из рук. Он с грохотом покатился по земле. Всадник усмирил коня и выпрыгнул из седла, одной рукой придерживая папаху. Девушка стояла неподвижно, растерянно глядя на взволнованного юношу, в котором она узнала незнакомца у родника. Вблизи он оказался еще красивее и выше. Парень было ринулся к Пачи, но тут же осекся, привычным движением расправил черкеску на поясе и, сделав несколько шагов назад, поднял с земли упавший кувшин.

– Не вини меня, – приятным голосом заговорил юноша, протягивая Пачи кувшин.

Пачи стояла безмолвно, опустив глаза, часто дыша, вздымая высокую грудь. Казалось, широкий пояс ее платья, словно железными тисками, обхватил тонкую талию, не пуская воздух. Дрожащей от волнения рукой она схватилась за длинную ручку кувшина и с силой сжала ее, потянув на себя, невольно взглянув на юношу. Он неохотно отпустил кувшин, не сводя глаз с прекрасной девушки, что так неожиданно явилась его взору. Она будто заморозила его одним лишь взглядом своих огромных черных глаз. Ее смуглая бархатистая кожа сияла на солнце, на щеках вспыхнул яркий румянец. Чуть приоткрытые алые губы жадно вбирали воздух. Крылья маленького прямого носа сгибались уголком при каждом новом вздохе. Пряди темных волос, выбиваясь из-под платка, падали на лицо, но она и не думала их заправлять. Пачи стояла как

замершая в реке вода, не двигаясь. Юноша был не в силах оторваться от красавицы, как вдруг она встрепенулась, тонкими длинными руками водрузила кувшин на плечо и устремилась вперед, осторожно обходя растерянного молодого человека. Он отступил, тщетно пытаясь поймать взгляд незнакомки. Жеребец застучал копытом оземь, громко заржав. Девушка размеренно зашагала вверх по дороге. Юноша окинул вслед восхищенным взглядом ее тонкий стан и покачье бедра. Девушка двигалась, как будто плыла по водной глади. Насилу отведя взор, юноша, словно в забытии, запрыгнул на коня, покружил на месте недолго, поглядывая на уходящую красавицу, и поскакал в противоположном направлении.

Лишь только стих топот копыт, Пачи осторожно обернулась, сняла кувшин с плеча и бросилась к невысокому оврагу, за которым часто пряталась в детстве, убегая от Лемы. Кинув кувшин в невысокий кустарник, Пачи упала на землю, обхватила руками колени и спрятала в них голову, как маленький ребенок.

– О мой Бог! О мой Бог! – шепотом причитала она, будто совершила страшное злодеяние. И когда она почувствовала на своем плече прикосновение чьей-то руки, вскрикнула так громко, что Лема невольно зажала руками уши и глаза, полными ужаса, посмотрела на подругу.

– Ты что кричишь, будто лесную женщину увидела?! – негодовала Лема.

– Как хорошо, что это ты, – увидев подругу, с облегчением выдохнула Пачи.

– Да, это я. А ты хотела увидеть кого-то другого? – поинтересовалась Лема. – Так и знала, что найду тебя здесь!

– Ох, Лема, долгих лет тебе жизни, посмотри, нет ли там его? – взмолилась Пачи.

– Кого? – с изумлением глядя на обезумевшую Пачи, – спросила Лема.

– Кого-кого? Парня, что был у родника! – выпалила Пачи.

– Что с тобой, Пачи? – удивленно подняв брови, недоумевала Лема. – Откуда ему здесь взяться? – она осторожно выглянула из оврага, окинув быстрым взглядом окружающую местность. – Он давно уж умчался прочь, лишь увидел меня!

– Я едва не столкнулась с ним на дороге минуту назад! – глядя на Лему округлившимися глазами, заверила Пачи.

– Ты не шутишь? – уточнила Лема, нервно заправляя волосы под платок.

– Какие тут шутки! – подтвердила Пачи.

– И что? – оживилась Лема.

– Что-что? Откуда я знаю? Я и пошевелиться не могла! – ответила Пачи, – а он рассматривал меня без стеснения!

– И ты его – там, у родника! – подметила Лема, присаживаясь рядом с Пачи.

– Я увидела его случайно! – оправдывалась Пачи. – И ты, между прочим, была вместе со мной.

– Ну надо же, на меня и разу не взглянул, а от тебя глаз оторвать не мог! – с досадой заключила Лема, расправляя подол своего платья.

– Да нет же, все не так было! – ответила Пачи.

– Вот так всегда, тебе достается все самое лучшее! – обиженным тоном сказала Лема.

– Никто мне не достался! И когда такое было?! Что ты выдумываешь? – возмутилась Пачи.

– Вспомнишь еще мои слова! – покачала головой Лема, поднимаясь с земли, увлекая за собой подругу.

– Посмотри еще раз! – упрашивала Пачи. – Да повнимательнее, может, он притаился где-нибудь рядом!

– Да что с тобой? – Лема изумленно взглянула на Пачи. – Ты словно рассудка лишилась! Но Пачи ничего не желала слушать и лишь подталкивала Лему к дороге.

– Хорошо-хорошо, я посмотрю! Вот ведь неугомонная! – ворчала Лема, осматриваясь вокруг.

Пачи стояла, зажмурив глаза, прижав ладони к щекам и что-то нашептывая.

– Да нет там никого! – буркнула Лема, дернув Пачи за руку. – Пошли уже!

Пачи выдохнула с облегчением.

– Давай поспешим, пока еще дорога свободна! – отозвалась она, наконец придя в себя.

Тем временем на широкой каменной дороге стали появляться и другие прохожие, следующие по своим неотложным делам. Все пространство вокруг заполнил шум людских голосов.

– Давай уйдем отсюда поскорей! – настаивала Пачи.

– Но твой кувшин пуст! – заметила Лема.

– Ну и пусть! Ни за что не вернусь к роднику! – заверила Пачи.

– Я солью тебе из своего. – сказала Лема, потянувшись к длинной блестящей ручке наполненного водой кувшина.

– Нет, не нужно, – отказалась Пачи, отряхивая платье, – дай только сделать глоток. В горле пересохло.

Утолив жажду, Пачи утерла о платье мокрые руки и водрузила на плечо полный кувшин, увлекая за собой Лему.

– Будем нести по очереди, – предложила она. Лема кивнула в ответ.

Очень быстро девушки сошли с каменной дороги, оставшись незамеченными, направились в родное селение знакомыми горными тропами и не узнали, как некоторое время спустя парень вернулся на место встречи с юной красавицей и отчаянно искал ее, спрашивая случайных прохожих о красивой девушке, что пленила его сердце раз и навсегда!..

Погрузившись в домашние хлопоты, Пачи время от времени вспоминала неожиданную встречу с красивым юношей и по прошествии двух дней сама не заметила, как мысли о нем завладели всем ее рассудком. Его облик, проникновенный взор серо-голубых глаз, бархатный голос и благородная учтивость покорили ее безоговорочно! И даже волнения, связанные с предстоящей свадьбой ее единственной двоюродной сестры, потеряли прежнюю значимость. Она корила себя за это, гнала прочь из памяти желанный образ, надеясь, что предсвадебная суматоха поможет отвлечься и забыться, ведь ждать другой встречи с ним бессмысленно, а проявлять инициативу – это удел мужчин.

«Лучше забыть все, будто ничего и не было!» – решила Пачи, спеша в соседнее селение, в дом к родному брату своей матери, дочь которого через несколько дней выдавали замуж. Широко шагая по проторенной тропе, минуя широкое кукурузное поле, Пачи отрешенно смотрела куда-то вдаль.

– О чем задумалась? – вдруг спросила Лема, заглядывая подруге в глаза.

– Хорошо, что тебя отпустили со мной! – с улыбкой ответила та, взглянув на Лему. – Они все-таки тебе не родня, – имея в виду семью своего дяди, говорила Пачи.

– Когда просит твоя мама меня всегда отпускают, – заметила девушка, прищурившись глядя на яркое солнце, – ради доброго дела грех не отпустить.

– Это ведь одна из наших традиций – собираться и помогать друг другу там, где одному не справиться! – в подтверждение слов подруги сказала Пачи.

– Тем более свадьба – важное событие! Съедется вся родня! – воодушевленно добавила Лема.

Пачи кивнула головой, соглашаясь, и снова погрузилась в свои мысли.

– Я и оделась подобающе случаю, – проведя рукой сверху вниз вдоль тела, отметила Лема свой неброский, удобный для работы наряд: холщовую рубашу землисто-серого цвета с длинными рукавами, широкую юбку в пол, тонкий пояс на талии и светлый платок, завязанный под косой. – Мы же будем помогать в подготовке дома к свадьбе! – не унималась она, отвлекая Пачи.

– Тебе к лицу эта скромная одежда, – беглым взглядом окинув Лему, заключила Пачи и снова замолчала.

– Ты только что меня увидела?! – удивилась Лема. – Сама-то вон как нарядилась! – кивнула она на длинное, сшитое по фигуре темно-коричневое платье, подвязанное широким поясом, что так хорошо сидело на Пачи.

Девушка ничего не ответила на замечание Лемы, только заправила волосы под платок темно-вишневого цвета и вновь погрузилась в свои размышления.

– Ты какая-то невеселая сегодня, – на ходу, вкрадчиво заглядывая в глаза подруги, спросила Лема немного погодя.

Пачи лишь пожала плечами, безучастно посмотрев на Лему.

– Печалишься о сестре или грустишь о том парне? – вдруг предположила Лема.

– С чего это?! – встрепенулась Пачи, – и думать забыла! – бросив на Лему недовольный взгляд, добавила она.

– Значит, точно так и есть! – негодовала Лема, изумившись своей догадке.

– И не стыдно тебе говорить такое?! – возмущалась Пачи, не желая выдавать себя, прикрывая ладонями вспыхнувший на щеках румянец.

– Посмотрите-ка на нее! – Лема резко остановилась, сложив руки под грудь. – Меня же еще и стыдит?!

Пачи нехотя сбавила ход, развела руки и с силой хлопнула себя по бедрам, тяжело выдохнув. Потом развернулась к Леме, схватила ее за руку, насилие оторвав от груди, и потащила за собой.

– Пойдем уже, а то опоздаем! Не будет с нас никого толку! – как ни в чем не бывало продолжала Пачи.

Изумленная Лема, качая головой, послушно засеменяла за подругой.

– Давай побыстрее! – поторапливала Пачи, подхватив подругу за локоть.

– Ай, больно! Не тяни так сильно! – тут же взмолилась Лема.

– Что с тобой?! – одернув руку, удивленно спросила Пачи, обернувшись. Девушки, не сговариваясь, остановились, глядя друг на друга.

– На днях помогала женщинам валять шерсть для войлочного ковра-истинга⁷ и ободрала кожу на локтях! – ответила Лема, скорчив жалостливую гримасу.

– Это тяжелый труд! – понимающе, подтвердила Пачи. – Я не раз смотрела, как, уложив лоскуты шерсти на плотную ткань и свернув ее в рулон, женщины катают его, обнажив руки по локоть, порой, раздирая кожу до крови!

– Вот-вот! – Лема кивала головой, соглашаясь. – О чем я только думала? – закатив глаза, вздохнула она.

– Но девушек особо не занимают такой работой! – удивилась Пачи.

– Я решила попробовать, – ответила ей Лема. – Когда-нибудь и моя очередь придет – надеюсь, не скоро!

Пачи потянулась к Леме и обняла подругу за плечи, нежно поглаживая по голове.

– Позвала бы меня на помощь!

– Ты была далеко, – улыбнулась Лема, – мы навещали родню по материнской линии в другом селе.

– Вот почему я не видела тебя несколько дней, – подметила Пачи, разводя руками.

– Я не успела предупредить, – оправдывалась Лема, – да и ты нечасто показывалась на улице последнее время.

---

⁷ Традиционный ингушский цельный войлочный ковер с нашивным национальным орнаментом.

Пачи отвела взор, дабы не выдавать своих чувств к прекрасному юноше, что мешали ей вести привычный образ жизни с момента их нечаянной встречи. И девушка встряхнула головой, лишь на мгновение погрузившись в свои мысли.

– Ты обработала рану? – участливо спросила она.

– Да, мама присыпала ее золой, – ответила Лема, – если не трогать, я почти не чувствую боли.

– Это хорошо, – обрадовалась подруга. – А что за рисунок будет на ковре? – отвлекая Лему, поинтересовалась Пачи.

– Возможно, он будет повторять петроглиф⁸, высеченный на одной из их родовых башен⁹, – ответила девушка, пожимая плечами. – Не знаю, женщины обсуждали разное, но, вероятнее всего, набьют пожелание прибавления потомства! Ковер готовят в подарок молодой семье.

– Наверное, – согласилась Пачи.

– Не рисунок же, предупреждающий об опасности? – рассмеялась Лема своему предположению.

– Тебе бы все веселиться? – улыбнулась Пачи в ответ, прикрываясь рукой от слепящего солнечного света.

– А чего грустить в такой красивый летний день? – сказала Лема, подставляя свое лицо солнцу.

Кругом раскинулись зеленые горные склоны, покрытые сочной травой и деревьями с густыми кронами. Меж склонов бежала бурная река, с шумом неся свои воды к равнинам. На ясном небе воцарилось солнце, снисходительно поглядывая на одинокие белые облака, неподвижно зависшие в ожидании ветра.

– Побереги свою белую кожу! – преграждая собой поток солнечных лучей, произнесла Пачи.

– Уйди, ради Бога, – шутя попросила Лема, отстраняя подругу, – не мешай мне радоваться жизни!

– Можешь радоваться, продолжая путь! – предложила Пачи, указывая рукой нужное направление.

– Жаль, что нельзя, забыв обо всем, просто гулять, наслаждаясь красотой вокруг! – проговорив с придыханием эти слова, Лема закружилась, широко разведя руки.

– Говори-говори, будто нас и не ждут в доме у брата моей матери! – напомнила Пачи.

– Да знаю я, – поджав губы ответила девушка, – пойдем уже! – и она зашагала вперед, подхватив подругу за руку...

Войдя во двор своего родного дяди, Пачи выдохнула с облегчением, увидев знакомые лица многочисленных родственников. В обычной жизни их не часто увидишь всех вместе, другое дело – такие вот значимые события, которые объединяют всю родню в одном месте. Можно пообщаться, увидеть тех, кого давно не видала. Пачи любила и почитала своих родных и всегда радовалась возможности побыть в их кругу – этой особенностью своего народа она гордилась больше всего.

Пачи с Лемой тут же окружили другие девушки, защебетали о своем, радостно приветствуя вновь прибывших. Улыбки не сходили с лиц. Перебивая друг друга, девушки быстро увлекли двух подруг в глубь двора к небольшому глиняному дому, облицованному неотесанным камнем, с маленькими, утопленными в стены окнами. Позади дома, шумя буйною листвой, возвышались деревья хозяйского сада, что открывался в широкое поле, за которым начи-

---

⁸ Изображение, высеченное на камне.

⁹ Каменные сооружения, уникальные памятники средневековой ингушской архитектуры, имевшиеся у каждого «рода» или тейпа- единица организации у ингушей и других вайнахских народов..

нался густой лес. Разглядев среди присутствующих, занятых своей работой, родного брата матери, Солтамака, и его жену, Марет, Пачи поспешила к ним навстречу, потянув за собой Лему. Крепкий мужчина и статная женщина средних лет в неброской одежде, на мгновение отвлекшись от утомительных хлопот, радостно закивали, увидев племянницу и ее подругу. Широко улыбаясь, Пачи, как подобает, приобняла их по очереди: сначала дядю, затем его жену. Лема учтиво поздоровалась, обменявшись привычными заученными фразами о благополучии родных и близких. Спросив у хозяев, чем они могут быть полезны, и получив нужные указания, подруги поспешили к дому, где их дожидались остальные девушки. Громко переговариваясь, все вошли в дом. Здесь, бесшумно перемещаясь из комнаты в комнату, безраздельно хозяйничали женщины, занимаясь внутренним убранством дома.

В отсутствии невесты, которая вместе со старшими родственницами отлучилась недалеко для примерки свадебного наряда, Пачи с Лемой и другими девушками не спеша принялись разбирать приданое. Шутя и подначивая друг друга, девушки безмятежно смеялись каждому острому слову, брошенному невзначай. То вдруг начинали распевать песни, то замолкали, увлеченно занимаясь каждая своим делом. Пачи сосредоточенно раскладывала вещи невесты в большие сундуки, когда кто-то со двора попросил сходить к роднику за водой. Она тут же растерянно посмотрела на Лему, памятуя о недавней встрече с теперь уже желанным юношей. Ей очень хотелось увидеть его еще раз, но она приняла решение больше не думать о нем. Так зачем мучить себя напрасными надеждами? «А вдруг он и впрямь будет там?» – терзалась сомнениями Пачи.

– Идешь с нами? – участливо спросила Лема, понимая тревогу подруги.

Пачи часто замотала головой из стороны в сторону.

– Нет, я лучше останусь, – деля Леме упреждающие знаки глазами, ответила Пачи, – вдруг Либи вернется.

– Наверяд ли невеста будет скоро! – встряла высокая девушка с зычным голосом. – Примерка свадебного платья может затянуться надолго!

– И все же я останусь. – настаивала Пачи. – Вы и без меня справитесь, а я тут пригожусь и, может быть, сестру дождусь.

– Ладно, пойдем уже! – скомандовала Лема, уводя девушек за собой, а то нас сейчас пристыдят за промедление. Повернувшись к Пачи, она бросила на подругу беглый взгляд, та кивнула головой в ответ.

И девушки звонкой стайкой поспешили за водой...

Время летело незаметно, день клонился к завершению, невесты все не было. Полностью отдавшись своим переживаниям, Пачи выполняла монотонную работу в ее комнате. Кто-то иногда заходил к ней, что-то спрашивал, она отвечала, не отрываясь от своих дел, укладывая вещи, приготовленные невестой в приданое. Сделанные собственными руками вязанные детские вещи, кружева, платки, одеяла и подушки – все это Пачи бережно раскладывала, воображая картины замужней жизни. В какой-то миг в дверях возник знакомый женский силуэт. Пачи смотрела, как женщина разводит руками, хмурит брови, видела, как шевелятся ее губы, но не слышала слов. Телом девушка находилась в комнате, а душа витала где-то там, у родника, среди высоких деревьев вдоль быстрой реки, летела над зеленой травой, проливалась прозрачной водой, сверкая в лучах солнца, – там, где она повстречалась с прекрасным юношей, пленившим ее сердце. Но женщина, стоящая напротив, была настойчива, и душа вернулась в тело, а вместе с ней и слух.

– Что с тобой?! Я к тебе обращаюсь! – наконец донеслось до Пачи. – Ты что, оглохла? – возмущалась мать невесты, приближаясь к растерянной девушке.

– Не вини меня. Я, наверно, задумалась, – оправдывалась Пачи, стыдливо отводя взор.

– Не знаю, что за мысли тобою завладели настолько, что я не могла дозваться тебя, гони их прочь! – взволнованно говорила женщина. – Мне нужна твоя помощь!

– Да, конечно. – участливо ответила Пачи. – Что я должна сделать?

– Сходи к нашим башням и принеси несколько хорошо выделанных овечьих шкур, я хочу положить их в приданое Либби, – сказала Марет, недоверчиво глядя на Пачи, та утвердительно кивнула головой.

– Ты меня правильно поняла, Пачи? – переспросила женщина.

– Я все поняла, – ответила девушка, – сейчас же пойду и принесу лучшие шкуры.

– Ну хорошо, если так, я могу доверить это только тебе! – заключила Марет. – Но если тебя что-то беспокоит и ты не справишься, то я сама схожу.

– Нет, не нужно, со мной все в порядке, просто задумалась, – заверила Пачи, – не беспокойся.

– Тогда поторопись, пока светло еще, – Марет еще раз внимательно взглянула на девушку. Пачи мило улыбнулась ей в ответ.

– Ну иди уже, чего ты стоишь?! – настойчиво подгоняла беспокойная женщина.

– Да, конечно! – спохватившись, ответила Пачи и прошла к выходу мимо Марет, склонив голову.

– Когда вернешься, найди меня во дворе, – окликнула та в дверях.

– Хорошо, – согласилась Пачи и вышла из дома.

После душного помещения, которое не успело еще остыть от дневной жары, здесь, на улице, прохладный воздух приятно обдувал лицо и успокаивал легким цветочным ароматом, доносившимся с луга. Пачи вдохнула полной грудью, окинула взором знакомую местность и, поправив платок, устремилась в горы.

Девушка поднималась по крутому горному хребту, на гребне которого возвышались родовые башни. Как безмолвные стражи, стояли они, устремившись в небеса, охраняя покой окрестных селений. Возведенные несколько веков тому назад для защиты от вражеских набегов, они и теперь завораживали своим величием.

Преодолевая сопротивление высоты и встречного ветра, Пачи шла, чуть наклоняясь вперед всем телом. Подол платья перекатывался большими волнами, волосы, выбиваясь из-под платка, тонкими прядями падали на лицо. Пачи, часто дыша, одной рукой прижимая платье, другой – поправляя непослушные волосы, приближалась к высоким боевым башням. Сложенные из дикого горного камня, прямоугольные у основания, сужающиеся к верху, высотой в четыре этажа, завершались они ступенчатой крышей с выступающими пластинами черного сланца и пристроенным на вершине выпуклым камнем. В двух противоположных стенах на уровне каждого этажа были прорублены небольшие арочные окна и множество бойниц. Под самой крышей висели каменные балкончики без пола, через которые в былые годы, отражая нападения, бросали булыжники и выливали кипяток. Все это Пачи знала из рассказов отца о тех беспокойных недалеких временах, когда, защищая свою землю и угоды, предки воздвигали неприступные башни вокруг горных селений. У каждого рода была своя башня, с особенным знаком высеченном на фасаде. Всякий раз, глядя на этих грозных великанов в желтовато-серых каменных одеяниях с черными крышами-шапками на вершине, что неприступными островами были разбросаны по всей горной Ингушетии так, что из одного селения было видно другое, Пачи изумлялась и восхищалась мастерством и изобретательностью своих предков.

Меж боевых башен стояли жилые. Они отличались плоской крышей и небольшой высотой. К одной из расставленных по горному склону башен спешила Пачи. Узнав среди прочих нужную, она прибавила шаг.

У входа в башню стояли молодые люди, о чем-то негромко переговариваясь. Заметив приближающуюся девушку, они всполошились и подались ей навстречу. Пачи остановилась, понимая их беспокойство, выпрямилась и подняла голову.

– Пачи, это ты? – узнав родственницу, сказал худощавый юноша в пышной белой папаче. – Это дочь сестры нашего Солтамака, – обращаясь к остальным, объявил он.

Парни одобрительно закивали головами, приветствуя девушку и тут же отводя взоры.
– Зачем ты пришла сюда в столь поздний час? – поинтересовался юноша, встав напротив Пачи.

– Меня прислала Марет забрать кое-что из башни, – прямо ответила Пачи.

– Солнце скоро сядет за горизонт, внутри башни темно, ты ничего не разглядишь! – беспокоился молодой человек. – Я провожу тебя.

Он отступил в сторону, пропуская Пачи вперед.

– Зажгите факелы! – тут же скомандовал он другим юношам.

– Светло еще, я справлюсь сама! – возразила Пачи, смущаясь невольному причиненному неудобству.

– Иди, делай что тебе говорят! – настаивал юноша. – Я подожду у входа. Скажешь мне, если что-нибудь понадобится.

– Хорошо, – согласилась Пачи и направилась к башне.

На первом этаже было пусто. Дневной свет, тонкими струйками пробивавшийся сквозь небольшие продухи, устроенные в стенах, едва освещал просторное помещение. Посередине стоял опорный четырехгранный каменный столб, проходивший через всю башню и служивший опорой для основных толстых балок межэтажных перекрытий, деливших строение на этажи. От стен веяло холодом, притоптанный земляной пол местами прорастал зеленой травой. Это место в башне предназначалось для домашнего скота. Пачи осторожно прошла внутрь, нашла у стены приставную лестницу и приладила ее к лазу в потолке. Ловко взобравшись по ступенобразным зарубкам на толстом бревне, Пачи оказалась на втором этаже. Здесь было светлее. Оконные проемы с полукруглыми арками щедро дарили солнечный свет. У стен стояли широкие деревянные скамьи, что прежде придвигались к домашнему очагу, над которым на очажной цепи висел котел для варки пищи. Теперь же на скамьях сушились многочисленные овечьи шкуры, огонь в очаге погас. Пачи огляделась по сторонам. Глиняный пол покрылся густым слоем пыли, в углах висели нити паутины и оборванные концы веревок, что протягивались вдоль стен для развешивания одежды, на стенах в специальных нишах застыли свечные огарки. Видно было, что жильцы давно покинули свою башню, перебравшись на более ровную плоскость у подножия горы, но бывшее жилище не оставляли вниманием, найдя ему иное применение. Приподняв подол платья, Пачи подошла к ближайшей скамье и присела с краю. Переведя дыхание и утерев испарину со лба, девушка медленно провела рукой по мягкой шерсти овечьей шкуры, что лежала подле. Потом встала и прошла к противоположной скамейке, где взор ее упал на белоснежное густое руно, что блестело в лучах закатного солнца. Тут же, в углу, она заметила другое – золотисто-каштановое, завитое мелкими кудряшками. Пачи обернулась и увидела еще одно – серое с белыми островками, уложенное крупными волнами. Девушка свернула все три шкуры в рулоны и по одному спустила ко входу в башню. Справившись с последней, она отставила лестницу, поправила свою одежду и шагнула к выходу.

– Ты закончила? – спросил Пачи молодой человек, ожидавший ее снаружи, когда она вышла на свет, стряхивая пыль с рук.

– Да, я взяла все, что мне было нужно, – ответила Пачи.

– Дай я помогу, – вызвался юноша и, схватив три рулона, перевязал их толстой веревкой, – так будет легче нести, – заверил он.

Ноша была нелегкой, впрочем, все горцы были приучены к тяжелому физическому труду с раннего детства – и Пачи в их числе. Да и спускаться было легче, чем идти в гору.

Едва оказавшись возле дома дяди, она сняла связку из-за спины и присела тут же, у стены, передохнуть, прежде чем отыскать Марет и передать ей принесенные овечьи шкуры.

Мать невесты хлопотала во дворе, беспокоясь, чтобы ко дню свадьбы все было готово. Она осталась довольна выбором Пачи и, поблагодарив девушку за хорошо выполненное поручение, отправила ее уложить ковер ручной работы – истинг, что предназначался для приданого

невесты. Пачи вернулась в комнату и снова погрузилась в мысли о том, кто не шел из сердца, надеясь, что, может, он все же ищет ее.

И лишь громкие голоса вернувшихся с родника девушек заставили ее отвлечься. Она выглянула в окно, нашла глазами Лему и вопросительно посмотрела на нее. Та, чувствуя настроение подруги, виновато глядя на Пачи, отрицательно замотала головой. Пачи шумно выдохнула, проведя рукой по лицу и обхватив ею шею. «Значит, и думать не о чем», – мысленно уговаривала она сама себя с некоторой досадой. Отвернувшись от окна, Пачи прильнула спиной к стене и прикрыла глаза, пытаясь унять охватившее ее волнение. «Все к лучшему! Надо поскорее выкинуть его из головы!» – думала она, тяжело дыша, как вдруг знакомая мелодия лезгинки своим зажигательным ритмом разлилась вокруг. Бросив всех, Лема ворвалась в комнату невесты и, схватив Пачи за руку, решительно потянула ее на улицу.

– Пойдем уже, хватит печали предаваться! – заявила Лема. – И попробуй только мне возразить! – предупреждая Пачи, добавила она. – Потанцуй и забудь обо всем! – ее синие глаза светились радостью, пухлые губы растянулись в доброй улыбке.

Пачи покорно последовала за подругой. Звуки гармонии и стук барабана становились все громче. Всякий раз, лишь заслышав их, Пачи охватывали необъяснимое волнение и радость, и это было для нее так близко и естественно, будто она родилась с этой музыкой в сердце, которое начинало часто биться в такт. В венах бурлила кровь, руки и ноги сами неслись в пляс. Порой девушки и женщины уходили на отдаленные лесные поляны и устраивали собственные танцы, и там Пачи не было равных. Не зная устали, она танцевала и мужские, и женские партии, то лихо чеканя ногами сложные движения лезгинки, то грациозно водя руками, словно это были струящиеся по горному склону ручейки воды. Но сейчас дело было другое. В образовавшемся рядом с музыкантами круге напротив девушек, томившихся в ожидании, стояли парни и придирчиво выбирали себе пару для танца. В танце, как, впрочем, и во всем остальном, мужчина был первым. Он выходил в круг, заявляя о своем желании танцевать, указывал на понравившуюся ему девушку, и она не смела оскорбить его отказом. Выразить таким образом непочтение мужчине, даже самому неказистому, даже в ни к чему не обязывающем танце было недопустимо.

Лема уверенно вышагивала к стоящим в танцевальном круге девушкам, Пачи держалась чуть позади, неохотно подчиняясь воле подруги. Дневной зной сменялся вечерней прохладой, легкий ветерок приятно обдувал лицо. Звуки лезгинки смешивались с лязганьем топоров, ударами молотков и прочим шумом от бесконечной людской возни во дворе. Мужчины плотничали, возводя деревянные опоры для навесов, сколачивали нехитрые столы и скамьи, кололи дрова под большие котлы, непрерывно переговариваясь друг с другом, отдавая распоряжения своим молодым помощникам и женщинам, постоянно снующим по двору, снисходительно поглядывая в сторону ликующей молодежи, охваченной всеобщим весельем- ловзар¹⁰

Парни напротив девушек неистово били в ладоши, присвистывая и подстегивая танцующего подбадривающими кричалками: «Асса!¹¹ Кружи девушку! Не отпускай ее!» – доносилось с их стороны круга. Девушки же, скромно потупив взоры, аккуратно прихлопывали поднятыми на уровне груди руками, ожидая своей очереди. Лема и Пачи незаметно пристроились к девичьему стану. Девушки, обрадованные их появлением, тут же расступились, пропуская подруг вперед. Пачи немного повеселела, следя за танцующей в круге парой. Молодой юноша, зная свое дело, кружил девушку у мужской половины круга, не давая ей возможности вырваться и, разойдясь в танце, увести его в сторону девушек. Всякий раз, лишь только она начинала движение, плавно разводя свои руки, юноша тут же преграждал ей путь, указывая на выбранное им направление в танце. Наблюдая, как партнерша легко попадает в ловко выставленные

---

¹⁰ Игра, забава, увеселительное мероприятие, неотъемлемой частью которого были танцы.

¹¹ Клич, выкрикиваемый в азарте танца.

умелым танцором ловушки, Пачи убеждала себя, что сама ни за что бы не попалась на такую хитрость. И когда наконец танец закончился, отдавая должное выдержке утомленной девушки, Пачи улыбнулась, глядя ей в лицо, едва заметно вскинув голову. И тут вдруг время остановилось: лица замерли, движения застыли, шум голосов отдавался лишь гулким эхом где-то высоко-высоко в горах. Пачи медленно подняла глаза, точно зная, кого она увидит в следующее мгновение. Смятение накатило удушливой волной. Все плыло, словно в тумане, и только черты одного лица представлялись ей ясно. Прекрасный юноша, о встрече с которым она с таким усердием уговаривала себя забыть, смотрел на нее во все глаза с противоположной стороны круга.

«Откуда он здесь и зачем?!» – пронеслось в голове. Сладко защекотало где-то в животе от мысли, что все это из-за нее. Пачи опустила глаза, повела головой к Леме и прошептала ей через плечо:

– Ты видишь его?!

– Что ты сказала? Говори громче! – перекрикивая музыку и стук барабана, попросила Лема.

А юноша уже всю отплясывал в середине круга, не сводя с Пачи влюбленных глаз, обозначая свою симпатию в надежде на танец. Движения его ног были четкими и ритмичными, руки, словно крылья орла, парящего высоко над землей, рассекали накаленный до предела воздух. В упор посмотрев на Пачи, он, продолжая танцевать, приложив руку с широко расставленными пальцами к груди, при этом слегка склонив и тут же подняв голову, спрашивал согласия девушки. Пачи оставалась безучастной. Пройдя в танце один круг, юный джигит остановился там, где в ожидании приглашения толпились девушки, но он желал лишь одну из них! Пачи слегка пошатнулась. Лема, стоящая рядом, подставила ей плечо и округленными от удивления глазами посмотрела на Пачи, потом на юношу. Развернувшись правым боком, с вызовом взглянув на Пачи, он завел свою прямую руку Пачи за спину, другую, согнув в высоко поднятом локте, прижал к груди, приглашая девушку на танец. Пачи смутилась, как никогда прежде. Ей казалось, что все вокруг догадались об их очевидной взаимной симпатии. Впервые Пачи стало неловко за то, что ее предпочли другим, и она, опустив глаза, сделала шаг за спину растерянной Лемы. Окружающие недоумевающе переглядывались между собой, вокруг возникло напряжение, медлить больше не представлялось возможным, но Пачи не спешила отвечать на приглашение. Юноша отступил, но не сдался. Сделав еще несколько искрометных танцевальных движений, он, повторив свое приглашение, замер в ожидании. Пачи стояла будто скованная тяжелой железной цепью. Лема, через плечо бросая на Пачи возмущенные взгляды и покачивая головой, тщетно пыталась заставить ее выйти в круг. Но Пачи, как неприступная скала, была непоколебима.

– Ты с ума сошла?! – не выдержав, процедила сквозь зубы Лема и, с минуту колеблясь, вышла в центр круга. Юноша гордо последовал за ней, и они закружились в танце. Казалось, все вокруг выдохнули с облегчением и от души захлопали танцующим, а они в благодарность за эти щедрые овации, в свою очередь, грациозно исполняли свой танец.

Пачи, стыдливо опустив глаза, расталкивая изумленных девушек, спешно покидала танцевальный круг.

«И что на меня нашло?!» – думала она, быстрым шагом, почти на бегу, удаляясь прочь через сад в лесную чащу. «Почему я не ответила на его приглашение, отчего не станцевала с ним?!» – терзалась она, уходя в лес, когда звуки лезгинки все еще доносились до нее. Щеки горели жарким огнем, в груди не хватало воздуха, в ушах звенел осуждающий голос Лемы, перед глазами стояло милое сердцу лицо молодого юноши.

«Что же он теперь думает обо мне?!» – сокрушалась Пачи, следуя ведомыми лесными тропами. «Только бы никто не догадался об истинной причине моего смущения», – мысленно молила она, ловко скользя меж высоких сосен, подобрав подол платья и твердо ступая по рых-

лой земле стройными ножками в легких летних туфлях. Путь был неблизок, но верен. «Скорей бы пройти сквозь этот сосновый бор, затем вдоль русла обмелевшей реки к широкой тополиной аллее, а там и до дома недалеко», – думала Пачи, утирая кистью руки проступившую на лбу испарину. «Успеть бы дотемна!» – Пачи расслабила платок, едва не сорвав его с головы.

Вскоре деревья расступились, пропуская девушку к свету и оставляя позади таинственный полумрак темного леса. Уставшим взором она окинула знакомую местность, глубоко вдохнула прохладный воздух и бегом спустилась с невысокого уступа. За спиной ухала горлица, в траве стрекотали кузнечики, из лесной чащи доносились странные звуки, будто сам лесной дух преследовал ее, растревоженный неожиданным появлением незваной гостьи. Страшась оглянуться, Пачи ступила на выбеленные под солнцем речные камни и устремила вперед. Рядом, что-то ненавязчиво нашептывая, струилась узкая лента некогда полноводной, реки. Пачи немного успокоилась, но ощущение тревоги не отпускало. Кто-то явно спешил ее догнать, и это был вовсе не дух! Пачи резко обернулась и осмотрелась по сторонам.

– Постой, погоди! – только и услышала она, и в тот же миг он уже стоял перед ней разгоряченный погоней юноша. Смятенный парень часто дышал, словно хотел вобрать в себя весь воздух вокруг. Широкая грудь вздымалась горой, разводя могучие плечи. Он сорвал с головы папаху, отводя к затылку черные волосы и пронизывая Пачи взглядом. Девушка испуганно смотрела на него, распахнув глаза. Сердце в груди остановилось и ухнуло куда-то вниз, к животу. Пачи едва устояла на ногах, сомкнув вдруг потяжелевшие веки, взмахнув пушистыми ресницами.

«Развернуться и бежать от него что есть сил!» – первое, что пришло ей в голову в тот миг. «И это было бы еще большей глупостью, чем та, что я уже допустила! Ну уж нет, больше я не позволю своим чувствам взять верх над здравым смыслом!» – решила Пачи и, собравшись с духом, посмотрела на него в упор, не отводя взора. В лучах предзакатного солнца ее глаза заволаживающе переливались золотом, кожа сияла, отражая солнечный свет.

Сделав глубокий вдох, юноша заговорил:

– Почему ты отказала мне?! – он заглянул в ее в глаза, широкие черные брови сложились домиком, через лоб прошли две глубокие борозды. Бархатные звуки его голоса сладкой мелодией зазвучали в сердце девушки, светлой радостью проникли в душу, захватив в плен.

– Я чем-то оскорбил тебя? Или, может, я недостаточно хорош для тебя?! – продолжал он, не оставляя шанса на спасение.

– Я едва тебя знаю! – решительно ответила она, изо всех сил стараясь не выдать себя. – И ради этого ты бежал за мной? – дразнила его Пачи, убирая с лица растрепавшиеся волосы. Околдованный ее струящимся голосом, он сделал шаг вперед, сложив руки на кинжале.

– Разве тебе разрешено разговаривать с незнакомыми мужчинами?! – изумился юноша, довольно улыбаясь.

– Ну так не говори со мной! – парировала Пачи, дерзко глядя на него.

– А что, если я нарочно тебя провоцировал?! – подначивал он.

– Что ж, тебе это удалось! – с усмешкой ответила Пачи.

– И ты так безоговорочно это признаешь?! – он подошел еще ближе и пристально посмотрел ей в глаза, будто хотел разглядеть в них что-то значительное. Взгляд его, как удар молнии, прошел сквозь все ее тело, разорвав на мелкие кусочки и снова собрав воедино, парализовал волю, отключил разум, словно неведомая сила сковала ее своими невидимыми объятиями. Пачи стояла бездвижно, тяжело дыша, растворяясь в его серо-голубых глазах.

– Мне пора идти, – наконец вымолвила она, собрав последние силы, и всем телом подавалась вперед, демонстрируя решительность своих действий.

Он нехотя отступил, пропуская ее, раздосадовано хмыкнув и громко шелкнув рукоятью кинжала, чуть обнажив его сталь и тут же потопив в ножны. Пачи поспешила к дому, но юноша незамедлительно последовал за ней, не желая упустить ее вновь.

– Я не оставлю тебя здесь одну! – говорил он вдогонку. – И буду идти за тобой, сколько понадобится!

Пачи не отвечала ни слова, лишь украдкой улыбалась, благо он не мог увидеть этой улыбки. Они шли по тропе, которая была ей хорошо знакома: Пачи – впереди, юноша – чуть позади, на безопасном расстоянии, не упуская девушку из виду и невольно любясь ее красивой фигурой. Пачи спиной ощущала его пристальный взгляд, что прожигал насквозь, и изо всех сил пыталась сохранить хладнокровие. Девушка то ускоряла, то убавляла шаг, легко преодолевая извилистые тропы меж высоких деревьев и волнистых холмов. Юноша шел за ней, не отставая ни на шаг и изумляясь ее проворности. Приближаясь к тополиной аллее, Пачи охватило легкое волнение. Дом был уже близко. Что, если кто из односельчан увидит ее провожатого, как она объяснит присутствие чужого парня подле себя?

Солнце уже скрылось за горизонтом, на небе появлялись первые бледные звезды, но небо-свод был еще светел, хоть и предвещал близкое наступление ночи. И лишь вдали показались густые кроны высоких тополей, Пачи запаниковала.

– Как долго ты намерен идти за мной? – не оборачиваясь, спросила она, обращаясь к юноше.

– Я должен убедиться, что с тобою будет все в порядке! – ответил он тут же, будто только и ждал ее вопроса.

– Ничего ты не должен! – дрожащим от волнения голосом заявила Пачи. – Ты мне не муж, не брат и не отец, а впрочем, я не маленькая, сама справлюсь!

– Правда?! – иронично заметил юноша.

– А ты в этом сомневаешься?! – возмутилась Пачи.

Не помня себя, она резко остановилась, обернулась и сделала шаг навстречу обескураженному юноше. Он едва успел остановиться, и Пачи чуть не уткнулась лицом в его широкую грудь. Блестящие газыри на его черкеске ослепили ее на мгновение.

– Я знаю эту дорогу с детства! Нет нужды больше сторожить меня! – выпалила она, подняв глаза полные тревоги, растерянно глядя на взволнованного юношу.

– Откуда ты взялась такая смелая?! – он тяжело дышал, поглощая ее взглядом, скрывая непреодолимое желание прикоснуться к красавице, к которой его влекло неудержимо, лишь только она взглянула на него, встречи с которой он искал, не теряя надежды!

Он стоял так близко, что Пачи могла слышать, как бьется его сердце, вырываясь из груди. Она видела, как напряженно ходят мускулы на его скулах, а глаза горят ярким огнем.

Несколько мгновений Пачи смотрела на него, не в силах отвести взгляд, стараясь запомнить каждую черту его красивого лица. Она чувствовала, что может довериться ему и он не причинит ей вреда. Его горячее дыхание обдавало жаркой волной, и Пачи отступила назад.

– Там, за деревьями, рукой подать до моего селения! – насили вымолвила Пачи, указывая рукой в сторону тополиной аллеи. – Прошу тебя, не ходи за мной дальше! – взмолилась она.

– Я сделаю, как ты скажешь, – глубоким грудным голосом заговорил юноша, – только если ты пообещаешь, что придешь завтра к полудню на место нашей первой встречи, – пристально глядя на Пачи, потребовал он.

– Даю тебе слово! – не желая более сопротивляться, согласилась девушка.

– Я буду ждать, пока ты не придешь! – подтверждая серьезность своих намерений, сказал парень.

Пачи лишь кивнула в ответ и, отведя взгляд, устремилась к дому.

– Постой, позволь представиться тебе! – крикнул юноша ей вдогонку.

Пачи обернулась и замерла в ожидании.

– Я Батал из рода Тоньга! А каково твое имя? – поинтересовался он.

– Пачи из рода Дидига, – ответила девушка.

– Хорошо, что я узнал тебя, Пачи! – широко улыбаясь, произнес юноша.

Пачи лишь повела бровью и, с вызовом взглянув на него, развернулась и побежала прочь.

Он провожал ее взглядом до тех пор, пока очертания девичьего силуэта не растворились в надвигающихся сумерках. Зеленый лес вокруг шумел, с переменчивой силой, отвечая беспокойному ветру, лиловый небосвод незаметно покрывался огоньками звезд, воздух становился прохладнее. Воодушевленный желанным знакомством и предстоящей встречей, счастливый юноша возвращался в селение, где оставил своего коня. Тот, истомившийся в ожидании, встретил хозяина громким ржанием. Оседлав его, юный джигит ускакал в горы.

Пачи тем временем приближалась к отчему дому. Чем ярче мерцали огни родного селения в надвигающейся ночи, тем тревожнее становились мысли, что пчелиным роем кружили в ее голове.

Что сказать родным в свое оправдание? Они наверняка уже узнали о ее побеге и обыскали всю округу! Как объяснить им свое отсутствие и внезапное появление?

Девушке казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как она убежала со двора своего дяди, не сказав никому ни слова.

Башни селения Хамы́шки, откуда происходил род отца Пачи, стояли едва различимые в ночном полумраке на высоком горном холме. Жилые дома расположились у его подножия.

Бесшумно пробираясь в ночи, тревожно оглядываясь по сторонам, Пачи свернула за угол своего дома.

– Вот она! – вдруг шагнула навстречу ей из темноты Лема.

– Я же говорил, что мы наверняка застанем ее здесь! – Пачи узнала голос родного брата.

Заам спрыгнул с коня, держа в руке зажженный двурогий факел, и подошел к сестре. Высокий, крепко сложенный юноша с копной волнистых каштановых волос и выразительными чертами лица внимательно разглядывал сестру.

– Ты в порядке? – только и спросил он.

– Да, – тихо ответила Пачи.

«В глазах тревога, но голос спокойный – значит, не сердится на меня!» – подумала Пачи и немного успокоилась.

Заам был младше ее, хотя разница в возрасте была незначительна. Он с раннего детства всегда и во всем поддерживал Пачи, доверяя ей как самому себе, знал, что и сам может во всем положиться на сестру.

Юноша, хлопнул коня по спине – тот, тряхнув гривой и громко заржав, отошел в сторону.

– Это Пачи? – неожиданно раздался взволнованный голос матери – Лбли. – Она пришла?

– Пришла, – подтвердил Заам.

Отодвинув сына и рядом стоящую Лему, встревоженная женщина притянула дочь и прижала к себе, крепко обнимая. Будучи ростом немного выше Пачи, сохранив почти девичью фигуру, Лоли выглядела рядом с дочерью как старшая сестра.

– И не стыдно тебе?! – отстраняя Пачи, спросила Лоли, заглядывая ей в глаза. – Хорошо, хоть отец не знает! – Пачи молчала, виновато глядя на мать. Заам, шумно выдохнув, отвернулся в сторону, Лема смущенно потупила взор. Лоли, качая головой, смотрела на дочь.

– Так что же все-таки случилось? Куда ты вдруг исчезла? – прервав молчание, заговорила Лема.

– Помнишь, начались танцы? – Пачи посмотрела на подругу.

– Конечно! – ответила Лема. – И как ты отказалась танцевать, помню, – приблизившись к Пачи, чуть слышно сказала она.

– Так вот, один парень настойчиво приглашал меня! – продолжила Пачи, обращаясь к родным.

Заам, резко обернувшись, насупив брови, сердито взглянул на сестру.

– И что с того? Парни всегда приглашают девушек танцевать! – отозвалась Лоли, заметив тревогу сына.

– Я отказала ему, не знаю почему! – ответила Пачи, а потом добавила: – Дважды!

– Продолжай! – строго велел Заам, присаживаясь на большой валун, лежавший рядом, опустив факел на землю и прислонив его к камню.

– Мне стало так неловко, что я сбежала, а когда поняла, что ушла слишком далеко, возвращаться не было смысла. Я была на полдороги к дому. – Пачи посмотрела на мать, потом на Лему и на Заама. – Я знаю, что вы волновались, но тот парень проводил меня почти до Хамышек. Он шел позади меня, и когда я попросила его больше не ходить за мной, он ушел.

– Да кто он вообще таков?! – не сдерживая гнева, крикнул Заам, вскочив с камня, сжимая кинжал. – И как посмел он идти за тобой?!

Лема, испуганно глядя по сторонам, схватилась руками за голову. Пачи хотела что-то ответить, но тут вступила Лоли.

– Успокойся, Заам, а ты не говори больше ни слова! – сердито взглянув на Пачи, сказала она. – Иди в дом! – приказала она дочери. – Мы проводим Лему и придем, а потом договорим!

– Пойдем, Лема. – Лоли привлекла к себе растерянную девушку, по-матерински прихватив ее за плечи. Та, робко поглядывая на подругу, покорно подчинилась воле рассерженной женщины. Заам, дождавшись, пока Пачи закроет за собою калитку, последовал за матерью, освещая дорогу.

Глава 2

Теплый летний ветер ударил в лицо и сбил платок с девичьей головы, он упал на плечи. Пачи остановилась, опустила кувшин, перевела дыхание, поправила платок и сделала шаг вперед навстречу Баталу. Несмотря на выволочку, устроенную матерью накануне вечером, Пачи все же отважилась прийти на обещанную встречу. Юноша ждал у дерева, стоя с упором на вытянутую руку, рядом стоял его верный конь. Вдруг Батал резко обернулся, как будто почувствовал ее приближение. Конь поднял голову, громко заржал и, встряхнув гривой, затопал копытами. Батал увидел Пачи, глаза его вспыхнули, дыхание стало частым. С трудом сдерживая волнение, он привычным движением отвел сбившиеся волосы от лица, хлопнул коня по спине и пошел навстречу Пачи.

– Я боялся, что ты не придешь, – заговорил Батал, обращаясь к Пачи, стесняясь и в то же время желая глядеть на нее, не отводя глаз.

– Не думала, что ты из пугливых! – ответила Пачи, окинув Батала надменным взглядом с головы до пят. Юноша пристально посмотрел на девушку и шагнул вперед.

– А ты, уверен, не из робких! – сказал он, не скрывая восхищенного взгляда.

– С чего ты это взял? – спросила Пачи, слегка отстраняясь под его напором.

– Ты ведь пришла, – улыбнулся Батал и поднял брови. – Или я не прав?

Пачи поняла его намек, но не подала вида: «Заслужила, не надо было называть его пугливым».

– Я очень благодарен тебе за то, что ты все-таки пришла, – прервал ее мысли Батал.

– Знаю, я не должна была и пришла, потому что обещала. Я всегда держу данное слово! – гордо заявила Пачи.

– Хорошо, я понял. – сказал Батал и посмотрел на Пачи. Пачи опустила голову.

– Ты ведь понимаешь, что это неприемлемо – встречаться вот так, тайком от всех, – заговорила она, собравшись с духом и робко взглянув на Батала, – и вот за этим я пришла, чтобы сказать – подобное не повторится!

– Только за этим? – перебил ее Батал.

– Что значит: только за этим? – Пачи слегка растерялась.

– Ты пришла ко мне только за этим? – заглядывая в ее глаза, спросил Батал.

Щеки Пачи вспыхнули ярко-пунцовым румянцем. Не зная, куда деться от стыда и вместе с тем переполнявшего ее гнева, она заговорила:

– Не знала, что это твоя земля! Ты здесь живешь – прямо у ручья? Что-то я не вижу здесь твоей родовой башни и вообще какого-нибудь подобия жилища!

– О чем ты? – недоуменно спросил Батал.

– Так вот, чтоб ты знал, я пришла не к тебе! – заявила Пачи.

Бросив на юношу строгий взгляд и развернувшись в противоположную сторону, она пошла быстрым шагом, забыв про кувшин, что принесла с собой.

«Ну и норв!» – только и успел подумать Батал.

– Постой, не уходи, я не хотел тебя обидеть! – тщетно пытался он ее остановить. – И что, вот так уйдешь, даже не попрощавшись?

Девушка будто не слышала его, уходя все дальше.

– Я обещаю, что найду другую возможность видеться с тобой! – кричал он ей вслед.

– Посмотрим, – не оборачиваясь, сказала Пачи, не замедляя шаг.

Девушка поспешно удалялась прочь, в сторону большой дороги, вымощенной речным камнем, ведущей к дому. Ее переполняли смешанные чувства: стыд и в то же время что-то светлое. Она злилась на себя и на Батала одновременно. Конечно, она пришла к роднику не только за тем, чтобы сказать, что больше не будет встречаться с ним тайком. Непреодолимое

желание увидеть его, услышать его голос еще хотя бы раз – вот что привело ее сюда, к роднику. Ведь с того самого дня, когда она нечаянно увидела его впервые, что бы она ни делала, куда бы ни шла – думала о нем. Стесняясь самой себе признаться в том, что мысли о желанном юноше не дают ей покоя, что он не идет у нее из головы и что сегодня она, прежде всего, пришла к нему, а он так открыто говорит об этом. «Да что он о себе возомнил? И этот непристойный, оценивающий взгляд, пробирающий до кончиков пальцев?!» – но таким дерзким он нравился ей еще больше, и она чувствовала, что нравится ему тоже.

От быстрого шага и волнения стало трудно дышать. Пачи расслабила платок на шее. Она почти уже дошла до перекрестка, где узкая тропинка к роднику сворачивала к широкой каменной дороге, как вдруг резкий порыв ветра напрочь сорвал платок с ее головы и понес в высь. «Только этого еще не доставало, чтобы кто-нибудь увидел меня с непокрытой головой», – раздосадованно подумала Пачи и ринулась вслед за платком...

Идрис мчался, что было сил, не жалея своего коня, только бы успеть ко времени, назначенному другом, но все равно не успевал. Гонец, посланный Баталом, появился слишком поздно. Плотно прижав к кудрявой голове пушистую папаху из белой овечьей шерсти так, что из-под нее были видны лишь его золотисто-зеленые глаза, наклонившись вперед, подгоняя всем телом своего темного, как ночь, скакуна, крепко сжимая сильными руками кожаные поводья, юноша скакал во весь опор. Ветер надувал рукава его серой рубахи, трепетал разведенными лапами черной черкески. Идрис выехал так быстро, как только смог. Ведь еще нужно было разобраться с товаром, доставленным накануне. В мясной лавке медлить нельзя. Мясо следует реализовать, пока оно еще свежее. Оступись один раз – потеряешь доверие постоянных клиентов. А их с Баталом мясная лавка была одной из лучших в Бурӯв (так ингуши называли Владикавказ¹²). Это был город, возникший вокруг одноименной крепости, по-ингушски – Бурув. Ее окрестности ингуши называли Бурув-кал, а сам город сокращенно – Бурб.

Продукция молодых людей пользовалась большим спросом, ведь они покупали мясо у лучших в горной Ингушетии поставщиков, чья скотина паслась на зеленых пастбищах высоко в горах, где самый свежий воздух, чистая родниковая вода и сочная трава. Друзья виделись вечером, перед отъездом Идриса в город. Они обсудили все заранее, назначили встречу лишь через два последующих дня – и вдруг этот гонец с посланием от Батала с просьбой о скорейшей встрече сегодня после полудня у родника. «Что могло случиться, к чему эта спешка?» – недоумевал Идрис, но немедля отправился навстречу к другу. Отдав последние распоряжения продавцу в лавке, он, оседлав коня, помчался в горы. Вдыхая полной грудью бодрящий горный воздух, с удовольствием созерцая родные просторы, Идрис, только успел свернуть на тропинку ведущую к ручью, как вдруг что-то мягкое упало ему на лицо. Юноша, резким движением руки потянув за поводья, остановил коня и одновременно другой рукой сорвал с лица женский платок, от которого исходил приятный цветочный аромат. Идрис огляделся по сторонам и увидел неподалеку застывшую женскую фигуру. Он подъехал поближе: хрупкая девушка стояла неподвижно, опустив непокрытую голову вниз, не смея поднять глаз. Ветер то утихал, то бушевал с новой силой, сбивая ее густые темные волосы. Идрис осторожно наклонился к ней.

– Должно быть, это ты потеряла? – произнес он и протянул девушке платок.

Она подняла голову и посмотрела на юношу. Идрис резко выпрямился в седле, обомлев от красоты её облика, от её выразительных глаз чайного цвета и взгляда с поволокой из-под пушистых ресниц. Идрис спрыгнул с коня, взглянув на прекрасное лицо незнакомки, и сразу потупил взор, нервно теребя в руках шелковистую материю. Девушка молча взяла свой платок и, слегка кивнув в знак благодарности, прошла вперед, на ходу накинув платок на голову. Идрис, провожая взглядом, смотрел ей вслед, зачарованный ее красотой, забыв о том, что его ждут. Ее тонкий стан, казалось, был чуть толще косы, свисавшей ниже пояса и раскачи-

---

¹² Город на юге России, в центральной части Северного Кавказа.

вающейся в такт движениям ее стройного тела. «Кто она? Почему она не встречалась мне раньше?» – терялся в догадках юноша. Вернувшись в седло, Идрис хотел было развернуть коня и догнать девушку, но его ждал друг, и он, с минуту колеблясь, поспешил к нему.

Батал заметил приближающегося Идриса первым и, запрыгнув на коня, поскакал к другу навстречу. Поравнявшись, они спешили, пожав друг другу руки, обнялись и поздоровались.

– У тебя все в порядке? – первым делом спросил Идрис.

– Да, все хорошо, не волнуйся, – ответил Батал.

– Что случилось? Я приехал, как только смог! – добавил Идрис.

– Ты настоящий друг! – отозвался Батал, похлопав Идриса по плечу.

– Знаешь, по дороге к тебе я встретил очень красивую девушку, – произнес Идрис. – Вот бы узнать, кто она!

Батал с интересом посмотрел на друга.

– Что за девушка? – спросил он.

– Красавица, каких я раньше не видал! – ответил Идрис и задумался, глядя на тропу, уходящую от зеленой поляны. – Ну да ладно, это подождет, – сказал он чуть погодя и, спустившись к ручью, присел на корточки, омыл холодной водой руки и лицо. – Почему ты хотел встретиться именно здесь, у ручья? – развернувшись к Баталу, спросил он.

– Я хотел познакомить тебя со своей будущей женой! – смущенно улыбнувшись, ответил Батал.

Что? Что ты говоришь?! – переспросил Идрис и, поднимаясь в полный рост, расправляя широкие плечи, подошел к другу. – Ты не шутишь? – Батал утвердительно кивнул головой. – Неужели это правда?! – радостно воскликнул Идрис. – И кто же она – та, что смогла сподвигнуть тебя на такой смелый шаг?

– Ты только что с ней разминулся! – ответил Батал.

– Она была здесь? – удивился Идрис. – Жаль, что я не успел! – с досадой заметил он. – Хотелось бы посмотреть на нее! – Идрис огляделся вокруг и вдруг спросил: – А, что такого ты ей сказал, что она так поспешно удалилась?

– Сам не понимаю, – виновато произнес Батал.

Тут из-за туч, нагнанных беспокойным ветром, выглянуло солнце, осветив все вокруг.

– А как ты догадался, что она спешила уйти? – поинтересовался Батал.

– Вот как! – ответил Идрис, указывая на высокий кувшин, стоявший у дерева. Он так ярко блестел под солнечными лучами, что не заметить теперь его было невозможно. – Наверняка это она оставила, – предположил Идрис.

– Да, точно, это ее кувшин. И как я раньше его не заметил? – удивился Батал.

– Ты думал только о его хозяйке! – подметил Идрис. Он взял кувшин в руки и внимательно рассмотрел его со всех сторон. – Добротный кувшин, а посмотри, как начищен – и зеркала не нужно! Хорошая будет хозяйка! – дразня друга, с улыбкой добавил Идрис.

– Это ты, глядя на кувшин, определил? – рассмеялся в ответ Батал.

– Это я хочу утвердить тебя в твоем решении жениться, но вижу, что ты и так серьезно настроен, – заключил Идрис. Батал перестал смеяться, посмотрел на друга и утвердительно кивнул головой.

– Тогда хорошо! – сказал Идрис и, приобняв друга, похлопал его по спине. – А что с кувшином делать будем? – спросил он.

– Оставим, где стоял, она вернется за ним, – сказал Батал.

– Теперь осталось только узнать, чья она, откуда, и засылать сватов! – возвращая кувшин на место, сказал Идрис.

Затем он подошел к коню и сел в седло. Батал свистом позвал своего коня и, оседлав его, последовал за другом.

– Оставим это место, – предложил Идрис, обернувшись, – скоро по воду придут другие девушки, не будем смущать их своим присутствием. Батал одобрительно кивнул головой.

– Расскажи подробнее, как ты с ней познакомился? – попросил Идрис, когда Батал поравнялся с ним. Батал бросил на Идриса озорной взгляд.

– Сможешь меня обскакать, тогда расскажу! – сказал он и, с силой толкнув коня шенкелями¹³, со свистом устремился вперед по каменной дороге.

Идрис только улыбнулся ему вслед. «Ну негодник! Сейчас я тебе покажу!» – подумал он и, дав команду своему коню, помчался вдогонку. Юноши гнали лошадей во весь опор. Каменная дорога давно закончилась, началась бескрайняя равнина с редкими кустарниками и одиночными деревьями. И лишь величественные горные цепи со всех сторон наблюдали за этим захватывающим поединком. Тучи ушли, так и не пролив ни одной капли дождя, и солнце щедро одаривало все вокруг своим теплом. Кони мчались, рассекая своими разгоряченными телами летний зной, гривы развевались на ветру, ноздри раздувались, жадно вбирая воздух. Вскоре Идрис догнал Батала и, поравнявшись с ним, прокричал на скаку:

– Ты решил бросить мне вызов?! И не стыдно? Я ведь старше тебя! – Батал развернулся к Идрису лицом и лишь игриво вскинул брови.

– Да и конь у меня резвее! – добавил Идрис и, прибавив скорости, обошел Батала.

– Видишь, впереди большой валун, скачем до него! – крикнул вслед другу Батал.

– Идет! – на скаку ответил Идрис и, резво высылая жеребца вперед, добавил ходу.

Оставшееся расстояние юноши промчались попеременно, обгоняя друг друга, но все же первым коснулся камня рукой Идрис. На этом состязание завершилось.

– Я бы и так все тебе рассказал! – заметил Батал, спрыгивая с коня и одергивая полы черкески. Идрис, сделав то же самое, подошел к другу.

– Но ты бросил мне вызов, и я его принял, – сказал он, переводя дыхание.

– И достойно на него ответил! – подытожил Батал.

– Брось, – сказал Идрис, – я опередил тебя всего лишь на мгновение.

– Иногда достаточно и мгновения, – тихо произнес Батал.

Идрис изучающе посмотрел на друга.

– И с каких это пор ты стал таким мудрым? – спросил он. – А впрочем, я догадываюсь, когда это произошло! В тот самый миг, когда ты впервые увидел ее, – делая ударение на последней фразе, сказал Идрис и вопросительно поднял одну бровь. Батал лишь смущенно улыбнулся и опустил голову.

– С нетерпением жду подробностей вашего знакомства, – не унимался Идрис. – Ты хотя бы знаешь, как ее зовут?

– Пачи! – заметно оживился Батал, и на его лице снова появилась улыбка.

– Не может быть! – поразился Идрис. – Видел бы ты себя сейчас со стороны! Да ты, друг, совсем пропал! – сказал он, качая головой.

– Если бы ты ее увидел, ты бы все понял, – с некоторой грустью в голосе сказал Батал.

– Мне достаточно твоего слова! – заверил Идрис и, крепко взяв друга за плечи, посмотрел ему в глаза: – Мы найдем ее, и вы будете вместе! Обещаю!

Батал в ответ кивнул головой.

– Не хочешь присесть и передохнуть немного? – предложил Идрис чуть погодя, указывая Баталу на склонившуюся над небольшим оврагом иву, и друзья подошли к дереву. Устроившись в тени его ветвей, Батал начал свой рассказ.

– Помнишь тот день, когда мы последний раз встречались с Утүргом, нашим поставщиком, и обговаривали новые цены на мясо? – начал он.

---

¹³ Внутренняя, обращенная к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки.

– Конечно, помню, это было совсем недавно, в начале этой недели. И еще помню, что огорчился, потому что Утург слишком уж завысил свои цены, – с досадой заметил Идрис.

– Ну да ладно! Зато мясо у него отборное. Ты ведь видел пастбища, на которых пасется его скотина, и пастухи у него хорошие, знают свое дело! – заверил Батал.

– Да вот только его овчарни и коровники стоят на твоей земле, – ответил на это Идрис.

– За это он пасет и нашу скотину тоже, да и земля простаивала без дела, – сказал Батал.

– Это так, – согласился Идрис, – но он мог бы быть по сговорчивее.

– Он знает свое дело и свою цену! – подтвердил Батал.

– Даже слишком на мой взгляд! – добавил Идрис. – Если у нас есть своя скотина, зачем нам вообще этот Утург? – раздосадованно заметил он.

– Пока мы не можем позволить себе отказаться от его услуг, – ответил Батал. – поголовье нашего скота еще недостаточно велико, да и хороших пастухов найти не так-то просто, если только не переманить его работников, предложив им более высокую оплату.

Идрис с пониманием посмотрел на друга.

– Но не волнуйся, – добавил Батал после небольшой паузы, – очень скоро в нашей лавке будет продаваться только наша собственная продукция. Мы с тобой сделаем для этого все возможное! – Батал положил руку на плечо Идриса и слегка встряхнул его.

– Конечно, сделаем! – отозвался Идрис и закивал головой.

Несколько минут друзья сидели молча, думая о чем-то важном, судя по сосредоточенным выражениям их лиц, и периодически поглядывая друг на друга. Первым нарушил молчание Идрис.

– Мы отвлеклись. Ты, кажется, собирался рассказать мне совсем о другом, – и, развернувшись, лукаво посмотрел на Батала. – О прекрасной Пачи, не так ли? – заключил Идрис и широко заулыбался.

– И что это тебя так развеселило? – поинтересовался Батал, пытаясь изобразить удивление.

– Что, разве я не могу порадоваться за друга?! – отозвался Идрис, не переставая улыбаться.

– Жду не дождусь того дня, когда смогу также порадоваться за тебя, друг мой! – с хитрой улыбкой на лице сказал Батал.

– И я очень надеюсь, что ты сделаешь это так же искренне! – сказал Идрис.

– Даже не знаю, – решив подразнить друга, ответил Батал.

– Да ладно тебе, ты что, обиделся? Вот уж не думал! – нарочно изумился Идрис.

– Я что, юная девица, чтобы обижаться? – парировал Батал и серьезно посмотрел на Идриса.

– Хорошо, если с этим разобрались, могу я услышать наконец историю вашего с Пачи знакомства? – поинтересовался Идрис.

Батал посмотрел на друга и покачал головой:

– Только не заставляй меня пожалеть о том, что открылся тебе. Ну да ладно, ты заслужил это право в честном поединке.

– Прошу тебя, окажи мне эту честь! – наигранно произнес Идрис, приложив правую руку к груди, продолжая подначивать Батала. Не в силах больше себя сдерживать, Батал рассмеялся, а за ним и Идрис.

– Шутки в сторону, – успокоившись, сказал Батал, – мне действительно очень нравится эта девушка.

– Я понял это, иначе ты бы не послал за мной в такой спешке! – заверил Идрис.

Подул легкий ветерок, принесся с собой прохладу. Батал поднялся с земли, одернул черкеску и убрал волосы со лба. Идрис привстал вслед за другом. Батал прервал его движением руки.

– Сиди, не вставай, я не разрешаю, – сказал он.

– Я не буду сидеть, когда ты стоишь! – заявил Идрис.

– Я прошу тебя, ты ведь старше, имеешь полное право, – настаивал Батал.

– Слишком уж много прав у меня на сегодня, – присаживаясь, сказал Идрис.

– Спасибо, мне так будет проще, – поблагодарил его Батал и, сделав глубокий вдох, начал рассказывать: – Как я уже говорил, все произошло в тот день, когда мы с тобой в последний раз встречались с нашим поставщиком. Мы, только что расстались и отправились по домам: я – к себе в горы, в Эгикал¹⁴, ты – в Мочкый-Юрт. Путь мой проходил как раз мимо того самого ручья, у которого я ждал тебя сегодня. Удивительно, ведь сколько раз мы с тобой поили своих коней у речки, в которую впадает этот ручей, но никогда у него не были.

– Потому что не хотели ненароком смутить девушек, проходящих за водой, – напомнил другу Идрис, невольно перебив его.

– Да, это так, я знаю, но почему-то именно в тот день моего коня понесло напрямик к самому ручью. Или я неосознанно сам его туда направил? Если честно, после долгих переговоров в горле у меня пересохло. Я сильно хотел пить и меньше всего думал о том, что могу кого-то там встретить, – Батал утер испарину со лба и перевел дыхание. – Пока я утолял жажду, присев у родника, пару раз мне показалось, будто кто-то наблюдает за мной из-за деревьев, густо растущих чуть позади, но не придавал этому значения. Вдоволь напившись холодной родниковой воды, я вдруг заметил девушку, идущую к ручью со стороны тех самых деревьев. Она быстро приближалась. От неожиданности я слегка замялся, даже смутился и отступил в сторону, уступая ей дорогу. Но девушку эту, похоже, совсем не смущало мое присутствие, наоборот, она вела себя так, словно дразнила меня. Уверяю тебя, места было достаточно, но она прошла к ручью так, что едва не коснулась меня плечом. Поднесла кувшин к воде, в упор посмотрела на меня и, не отводя взгляда, ждала, пока ее кувшин наполнится, при этом еще напевала песню про какое-то кольцо, которое унесла быстрая река, – тут Батал удивленно пожал плечами и снова перевел дыхание.

– Она определенно дразнила тебя! – едва сдерживаясь, произнес Идрис и рассмеялся во весь голос.

– Тебе смешно! – возмущенно сказал Батал, прохаживаясь со стороны в сторону, а я не знал, куда себя девать, хоть сквозь землю провались!

– Ты что, действительно не слышал эту песню? – утирая слезы, удивлялся Идрис. – Про кольцо, которое одна девушка отдала возлюбленному в залог своей к нему любви, а матери сказала, что оно упало в бурную реку и воды той реки унесли кольцо, – немного успокоившись, пояснил он. – Ты рассмешил меня до слез.

– Нет, клянусь, что не слышал! – искренне заявил Батал, а потом добавил: – Не знал, что ты интересуешься девичьими песнями.

– Слышал несколько, твоя – одна из самых часто распеваемых, – не унимался Идрис, пытаясь сдержать смех.

– Она не моя! – неподдельно возмущился Батал. – Да перестань уже смеяться, а то не услышишь продолжения. – Батал остановился и пристально посмотрел на друга.

– Ладно-ладно, хорошо, договорились, – заверил Идрис, но ты ведь теперь узнаешь эту песню из множества других? – добавил юноша и снова рассмеялся.

Батал, качая головой, смотрел на друга.

– Такого храброго джигита смутила юная девица! Она хотя бы была красива? – смеясь в голос, поинтересовался Идрис.

– Я и не разглядел ее толком, помню только медные волосы и синие глаза, – честно ответил Батал. – Да что с тобой сегодня? – недоумевал юноша.

---

¹⁴ Эгикал – одно из самых больших селений в горной Ингушетии.

Идрис перестал смеяться и сказал:

– Обещаю: больше не буду тебя перебивать и дослушаю до конца!

– Обещаешь? – переспросил Батал.

– И не буду смеяться, – добавил Идрис.

– Эх, ладно! – покачав головой, согласился юноша.

– Я запрыгнул на коня и, как ошпаренный, бросился прочь! – продолжил прерванный рассказ Батал с таким возбуждением, будто вновь переживал произошедшее, – подальше от этой рыжеволосой бесстыдницы!

Идрис крепко зажал рот рукой и опустил голову, изо всех сил пытаясь сдержать распиравший его изнутри смех. И лишь ходящие то вверх, то вниз плечи выдавали его. Но Батал уже настолько сильно увлекся своими воспоминаниями, что не обращал на это внимание.

– И только я свернул на каменную дорогу, как чуть не сшиб кого-то с ног. Это была девушка невероятной красоты. Конь мой встал на дыбы, так что я еле удержался в седле. Ее кувшин со звоном покотился по камням. Я спрыгнул с коня, поднял кувшин и подал ей. Она стояла как вкопанная, не шелохнувшись, лишь протянула руку и взяла свой кувшин, одарив меня пронзительным взглядом огромных карих глаз. Потом, развернувшись и пошла вниз по дороге. Я не мог оторвать взгляда от ее удалявшейся фигуры.

Батал глубоко вдохнул, набрал полную грудь воздуха и продолжил:

– Надо было догнать ее, попытаться разузнать, кто она, где живет, но она все равно ничего бы не сказала. Видел бы ты эту картину: мой конь встал на дыбы, машет своими копытами чуть ли не у ее лица, а на этом прекрасном лице не дрогнет ни один мускул, она даже не пошатнулась! Вот это выдержка! Ведь наверняка она сильно испугалась, но ничем себя не выдала. Как зачарованный, я сел на коня и поскакал в обратном направлении – сам не знаю почему! А когда опомнился и вернулся, то не нашел ее. Она исчезла, будто ее и не было. Я искал ее всюду, я знал, она не могла далеко уйти, даже не постеснялся спросить у проезжавшего мимо на повозке, запряженной лошадей, седого старика, не встречалась ли ему случайно девушка с кувшином. Он только улыбнулся мне в ответ, ведь у родника немудрено встретить девушку с кувшином, и не одну. «Только вот которая из них нужна тебе, знаешь только ты», – сказал старик. «Самая красивая!» – ответил я и смущенно опустил голову. «Удачи тебе! – напутствовал меня старик, натягивая вожжи. – Поверь мне, я уже давно живу на этом свете: внешняя красота утрачивается со временем, ищи ту красоту, что скрыта внутри. И помни об этом, когда найдешь свою красавицу!» Пожелав мудрому старику доброго пути и поблагодарив его за напутствие, я еще раз обыскал округу, но все было тщетно. Нечего делать – я отправился домой, решив вернуться на следующий день и продолжить поиски, – Батал замолчал.

Идрис встал, подошел к другу и похлопал его по плечу.

– Может, передохнешь немного? Присядь, – участливо предложил он, – а я пройду тут недалеко, а то засиделся, слушая тебя.

Батал кивнул, соглашаясь с другом, и присел у ивы. Ветер зашелестел ее зеленою листвою. Он поднял голову вверх, и несколько длинных ветвей коснулись его лица, приятно защекотав. Он улыбнулся, осторожно отводя ветви ласкового дерева. Думая о Пачи, Батал вспоминал ту первую встречу с ней, душа его трепетала, словно листья ивы на ветру, по телу разливалось приятное тепло. Он понимал, что жизнь его уже не будет прежней, в ней не было Пачи и тех чувств, которые она пробудила в нем. И он хотел каждый день своей новой жизни проводить рядом с ней и очень надеялся, что это желание взаимно.

Идрис вернулся некоторое время спустя с водой и, устроившись рядом с Баталом, задумчиво взглянув на друга, предложил ему попить.

– И что, Батал, – поинтересовался Идрис, – ты нашел ее на следующий день?

– Нет, Идрис, не нашел, – ответил Батал. – Я искал с раннего утра до темноты, ждал у родника, объехал чуть ли не каждый дом в окрестных селах, расспрашивал селян и просто прохожих, но так и не нашел. Лишь через день я встретил ее совершенно случайно.

– Почему ты не позвал меня? – спросил Идрис. – Я бы помог тебе! Или ты забыл, что мы друзья? – с укором добавил он.

– Ничего я не забыл! – заверил Батал Идриса, – и всегда буду помнить, что у меня есть настоящий друг. Я же знал, что ты должен ехать в Буро по делам нашей мясной лавки, и не хотел отвлекать тебя по пустякам.

– По тебе не скажешь, что это пустяки! – заметил Идрис.

– Если честно, мне было неловко признаться тебе, что я потерял голову из-за девушки, пусть даже самой прекрасной! – робко сказал Батал. Идрис понимающе закивал в ответ, памятуя о красавице, нашедшей свой платок в его руках.

– Я, как одержимый, целый день метался в ее поисках и не мог думать ни о чем, только бы найти ее и увидеть еще раз.

– Видно, сильно зацепила тебя эта девушка! Посмотреть бы на нее поскорей! – сказал Идрис.

– Посмотришь еще обязательно! И станцуеть на нашей свадьбе! – воодушевленно заявил Батал.

– Э, да ты, парень, и в самом деле влюбился! – изумился Идрис.

– Знаю, тебе трудно понять мои чувства, – посмотрев на друга, сказал Батал, – я бы и сам не понял, случись это с кем-то другим.

Он поднялся с земли, взял небольшой камень, покрутил его в ладони и со всей силы запустил далеко вперед. Идрис молча смотрел на него.

– Повезло мне на следующий день, – отряхивая руки, заговорил Батал. – Утром привезли двух молодых бычков для нашего будущего стада, и к полудню мне нужно было рассчитаться за них с хозяином, который живет как раз в одном из сел, где я искал накануне.

– Ты говоришь о Куло? – поинтересовался Идрис.

– Да, именно о нем. Ты же помнишь, мы обсуждали с тобой эту покупку вместе? – ответил Батал.

– Да, конечно. Продолжай, пожалуйста. – попросил Идрис.

– После встречи с Куло я решил еще раз съездить к роднику, а дальше действовать по обстоятельствам.

– А ты не узнал у Куло: может, он слышал что-нибудь о той, которую ты искал? – спросил Идрис.

– Я поинтересовался у него осторожно, но он толком ничего не сказал, только лишь отметил, что в соседнем дворе сегодня проходят «Белхи»¹⁵, – ответил Батал и посмотрел на Идриса. Ты ведь знаешь – это своего рода грандиозная уборка двора и прилегающей территории при подготовке к какому-либо большому событию, на которую приглашают близких родственников. И, в общем, будут рады всем, кто желает помочь.

Идрис кивнул головой.

– Так вот, там, сказал Куло, будет много девушек и вообще разного люда. Я принял это к сведению и отправился к роднику, как и собирался. Я почти достиг цели и тут вдруг заметил группу девушек с кувшинами полными родниковой воды. Они направлялись от родника как раз в мою сторону. Я едва успел съехать с дороги и притаиться среди деревьев. В одной из этих девушек я узнал ту рыжеволосую смутьянку, которая «изводила» меня у родника, – при этих словах Батал оглянулся на Идриса – тот с трудом сдерживал улыбку.

– Ладно уж, не таись, посмейся над другом еще раз, – махнув рукой, сказал Батал.

---

¹⁵ Традиционная форма взаимопомощи у ингушей.

– Для чего же еще нужны друзья?! – сквозь смех проговорил Идрис, и Батал рассмеялся вместе с ним.

– Я незаметно последовал за ними. Что-то подсказывало мне, что эта «синеглазка» приведет меня к Пачи. Девушки направлялись в селение, которое я недавно посетил, прошли мимо двора Куло и все вместе вошли в следующий. Я понял, что они пришли на «Белхи». Спешившись, я вошел вслед за ними в тот же двор. Благо на «Белхи» каждый занят своей работой, не все знают друг друга в лицо, и если кто-то входит во двор, то только за тем, чтобы оказать посильную помощь. Я огляделся по сторонам. Двор явно готовили к свадьбе: приводили в порядок территорию, ставили навесы, под ними – столы, сколачивали нехитрые скамейки, готовили места для установки глубоких котлов, в которых в большом количестве будут варить мясо. Работа кипела: мужчины выполняли тяжелый труд, женщины оказывали им посильную помощь, готовили еду. Вообще-то, женщин во дворе было мало, наверняка они сосредоточились в доме, что стоял справа, и в задней части двора. Гул людских голосов смешался с лязганьем топоров и ударами молотков. При этом вокруг царила удивительная гармония. Со мной поздоровались несколько мужчин и предложили пройти к импровизированному столу утолить с дороги жажду крепко заваренным чаем. Я с удовольствием принял приглашение, ведя с ними непринужденную беседу. Вдруг в глубине двора заиграла гармонь, застучал барабан, отбивая знакомый ритм лезгинки. Молодежь, не сговариваясь, потянулась на звуки музыки. Вокруг музыкантов тут же образовался небольшой круг. Начались танцы. Приближался вечер, солнце стремилось к линии горизонта, теряя свою силу. Самое время для танцев, подумал я и подошел поближе к кругу, не теряя надежды увидеть желанную красавицу. Первым в круг вышел парень и, выбрав приглянувшуюся ему девушку, пригласил ее станцевать с ним. Все вокруг дружно хлопало, я делал то же самое. И тут, я увидел ее – ту которую так отчаянно стремился найти. Она пронзительно смотрела на меня, удивленная моим присутствием, а я, как заколдованный, не мог оторвать глаз от нее. Через мгновение девушка отвела взор и отступила в сторону. Она была растеряна. Я решил воспользоваться этим и станцевать с ней. С нетерпением ждал я, пока танцевала предыдущая пара, и, как только они закончили свой танец, ворвался в круг. Заявив свое право на внеочередной танец несколькими яркими танцевальными движениями, я подошел к девушкам и жестом, приглашающим на танец, указал на выбранную сердцем и замер в нетерпении. Но не тут-то было, она отказала мне! – посетовал Батал.

– Как отказала? – недоумевал Идрис. – Почему?

– Не знаю, наверное, не ожидала такого напора с моей стороны, – пожал плечами Батал. – Я приглашал ее дважды – в итоге со мной станцевала та самая рыжеволосая девушка, мне кажется, они подруги, – заключил Батал.

– А что же другая? – поинтересовался Идрис.

– Девушка в спешке ушла со двора через сад в лес. Я лишь мог наблюдать, как она скрывается меж деревьев. Закончив танец, я последовал за ней так быстро, как только смог, потому что чувствовал свою вину в ее внезапном бегстве. К тому же уже темнело, я не хотел оставлять ее одну в таком состоянии, – ответил Батал.

– И что, ты просто шел за ней? – спросил Идрис.

– Она быстрая, я едва ее догнал, а потом – да, я просто шел чуть позади.

– А она не знала, что ты идешь за ней? – интересовался друг, широко раскрыв глаза.

– Я пытался остаться незамеченным, лишь бы не тревожить ее еще больше, но не смог. Мне так хотелось заговорить с ней, услышать ее голос! – Батал мечтательно поднял брови.

– И ты заговорил с ней? – Идрис с нетерпением ждал ответа.

– Да, заговорил! Она даже попыталась запретить мне следовать за ней! Но как я мог оставить ее одну в темном лесу? И, если честно, не хотел я вовсе.

– И что было дальше? – требовал продолжения истории заинтригованный, юноша.

– В какой-то момент она резко остановилась и развернулась ко мне так, что мы едва не столкнулись! – возбужденно продолжал Батал.

– И что? – загорелся Идрис, предвкушая интересные подробности.

– То еще испытание: стоять рядом на расстоянии вытянутого пальца с девушкой, которую желаешь больше всего на свете, и не иметь права даже слегка коснуться ее, – тяжело выдохнув, сказал Батал, посмотрев на изумленного Идриса. – Она попросила не провожать ее далее, так как впереди уже показались огни ее селения. Взамен на мое согласие я попросил ее о встрече к полудню следующего дня у родника. Она согласилась, я спросил ее имя, мы расстались. Какое-то время я еще смотрел ей вслед, пока она не исчезла в сумерках, а потом вернулся к своему коню, оседлал его и поскакал домой, – Батал шумно выдохнул и замолчал, опустив глаза, украдкой поглядывая на друга.

– Да, друг мой, вот так история! – изрек Идрис после небольшой паузы, покачивая головой из стороны в сторону. – Жаль, что я не успел сегодня на вашу встречу.

– Мне тоже жаль, – ответил Батал, – я очень хотел, чтобы ты увидел ее. И, если бы ты был рядом, все сложилось бы по-другому.

– Да ладно тебе, не расстраивайся! – подбодрил друга Идрис. – Найдем мы твою красавицу, и никуда она не денется! Ты узнал из какого рода она происходит?

– Пачи из рода Дидиг, – улыбнулся Батал, произнося имя любимой девушки. Идрис невольно улыбнулся вслед за другом, качая головой.

– Ты назвал ей свое имя? – спросил Идрис.

– Да, я представился! – ответил Батал. – она наверняка будет на той свадьбе, в подготовке которой учувствовала! – вдруг воодушевился Батал. Мы с тобой, непременно, должны туда попасть!

– Я узнаю подробности и сообщу тебе, – вызвался на помощь Идрис.

– Нет, ты возвращайся в Буро, я и так сорвал тебя с дела, – твердо сказал Батал. – Свадьба назначена на воскресенье, сегодня пятница, завтра к вечеру ты вернешься, а на следующий день, утром, встретимся у родника. Я тем временем поищу достойный повод появиться на этой свадьбе.

– Так тому и быть, – согласился Идрис, и друзья скрепили свое решение крепким рукопожатием.

– Идрис, возьми моего коня. Твой наверняка подустал? – предложил Батал.

– Спасибо, друг, за предложение. У тебя, конечно, отменный конь, но своего я ни за что не променяю, – ответил Идрис и погладил молодого жеребца по густой гриве, заботливо проведя рукой по крепкой шее.

– Ну тогда до встречи, – Батал подошел к Идрису и обнял его, прощаясь.

– До встречи, – вторил ему Идрис, – хорошей тебе дороги!

– И тебе доброго пути! – пожелал Батал.

Оседлав коней, друзья разъехались в разные стороны, размышляя каждый о своем участии теперь уже в общем деле.

Глава 3

Лишь у калитки родного дома Пачи заметила пропажу: «Что теперь я скажу матери? Пошла за водой, а вернулась без кувшина?» – молча сокрушалась она, застыв на месте.

– Ты куда пропала? – налетела на нее Лема и, заметив странное поведение подруги, тряхнув ее за плечи, сказала: – Да очнись ты, что случилось?!

– Ничего, – тихо ответила Пачи, отворачиваясь от Лемы. Тут из глаз ее брызнули слезы. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Да что с тобой такое?! – недоумевала Лема, пытаясь оторвать руки Пачи от лица. Поняв, что это бесполезно, Лема крепко обняла ее и усадила на скамейку, стоящую рядом.

– Успокойся, не плачь, пожалуйста, – утешала она Пачи. – Мы же собирались с тобой к роднику за водой?

– Я уже ходила, – не прерывая рыданий, говорила Пачи.

– Как ходила? Одна? Почему? – Лема ничего не могла понять.

Она растерянно смотрела на Пачи, нервно заправляя свои медные волосы под платок. Пачи только расплакалась еще сильнее.

– А где же твой кувшин? – не зная, что еще спросить, поинтересовалась Лема.

– Остался у родника, – ответила Пачи и посмотрела на Лему глазами полными слез. – И что мне теперь делать, Лема? – в отчаянии обратилась она к подруге.

– Это всего лишь кувшин! Что же ты так горько плачешь? Мы сейчасходим к роднику и заберем его, – сказала Лема. – Если только ты не оставила там что-то еще? – задумавшись, добавила она. Пачи с грустью посмотрела на Лему. Чуткая подруга поняла все без слов.

– А теперь рассказывай, что случилось! – решительно настаивала она. – Это из-за того парня, кто так настойчиво приглашал тебя танцевать, ты тут рыдаешь? Я права?

Пачи лишь робко кивнула головой в ответ.

– Постой, и это он провожал тебя вчера до дома? И сегодня на родник ты ходила к нему? – изумилась своей догадке, Лема. – Признавайся! – не унималась она.

Тут Пачи действительно словно очнулась, вскочила с места и чуть ли не прокричала:

– Да вы что, сговорились?! Он сказал: «Ты пришла ко мне». Ты говоришь: «Ходила к нему», будто весь мир вдруг завертелся вокруг него!

Округленными от удивления глазами Лема смотрела на Пачи, пытаясь понять, чем вызвала у нее столь бурную реакцию.

– Неужели это так очевидно? – словно признаваясь самой себе, тихо произнесла Пачи и вернулась на место рядом с подругой.

– Не переживай ты так, – поглаживая Пачи по руке, сказала Лема, – мы что-нибудь придумаем!

Подул легкий прохладный ветерок, разогнав ненадолго летний зной, и полетел дальше, выше, зашелестев листвой в кронах деревьев на противоположном горном склоне. Зеленые верхушки закачались, наклоняясь друг другу, будто перешептываясь, открывая важную тайну, призывая в свидетели солнце, гулявшее меж невесомых облаков.

Несколько минут подруги сидели безмолвно. Пачи еще изредка всхлипывала. Лема молчала, не решаясь взглянуть на нее, потом заговорила:

– Пойдем, пока никто ничего не заметил, вернем твой кувшин.

– А если он будет там? – спросила Пачи, обернувшись к Леме, сжимая припухшие губы.

– Не будет, если он порядочный человек! – заверила Лема.

– Тогда поторопимся, – согласилась Пачи, утирая слезы.

– Я только возьму свой кувшин, – сказала Лема, – а ты жди меня за домом, я быстро.

Пачи свернула за угол и прижалась спиной к каменной стене, закрыв глаза. Она глубоко дышала, пытаясь прийти в себя: «И зачем только я пошла к нему на встречу, не надо было! Какой же спокойной была моя жизнь до встречи с ним! Но разве возможно теперь жить как прежде?»

– Ты чего тут стоишь? – прервал ее мысли знакомый голос.

Пачи оторвалась от стены и открыла глаза. Это был Заам – верхом на своем коне. Внешне брат с сестрой были очень похожи: те же большие карие глаза, густые, с крутым изгибом, брови, тот же овал лица и форма губ, только нос у Заама был крупнее, а также его отличали выдающийся подбородок и широкие скулы. Их часто называли двойней, да и разница в возрасте была мизерной – год с небольшим. При этом Заам был высоким и коренастым, а Пачи – небольшого роста, стройная, как тростинка.

– Как ты подъехал так незаметно? – только и спросила Пачи.

– Не знаю, я специально ни от кого не таился, – ответил Заам, – а вот ты, по-моему, от кого-то прячешься!

Пачи не знала, что сказать ему в ответ. Ей на помощь пришла подоспевшая вовремя, Лема.

– Она ждет меня, мы идем к роднику, – вступила она в разговор.

Увидев Лему, Заам, слегка растерялся, смущенно отводя глаза, а затем, обращаясь к Пачи, сказал:

– Ты ведь должна была уже вернуться с родника? Не так ли?

– Я забыла там кое-что, – глядя на брата, виновато ответила Пачи.

Заам удивленно смотрел на девушек, пытаясь понять происходящее.

– Ну пойдем скорее, что ты стоишь как вкопанная, – потянув Пачи за руку, сказала Лема. – Дома ждут воду, – и она увлекла подругу за собой.

– Только маме ничего не говори, – обернувшись на ходу к Зааму, попросила Пачи – мы скоро вернемся...

– Подождите, я пойду с вами, – немного замешкавшись, прокричал им вслед Заам.

Он спрыгнул с коня и, привязав его к изгороди, побежал за девушками.

– Ты думаешь, я оставлю тебя после вчерашнего приключения? – догнав их, сказал Заам, обращаясь к Пачи.

– Не нужно, правда, не ходи с нами, – просила Пачи брата. Лема молча шла рядом.

– Твои уговоры ни к чему, зря не старайся. Я иду с вами – это решено! – твердо заявил Заам, не сбавляя шага. – Что бы ты там ни натворила, я буду рядом.

– Ослушаешься старшую сестру? – не оставляла попыток остановить брата Пачи.

– Я мужчина, как сказал, так и будет, и хватит уже перечить мне! – ответил Заам.

Лема с восхищением посмотрела на Заама, он поймал ее взгляд. Она одобрительно едва заметно кивнула головой и опустила глаза.

Вскоре все трое были у родника. Кувшин стоял на том же месте, где Пачи оставила его. Она осторожно оглянулась по сторонам, стараясь, чтобы Заам не заметил ее волнения. Лема подошла к подруге и заглянула ей в глаза:

– Успокойся, все хорошо, здесь нет никого. Бери кувшин и пойдем к роднику, – тихо сказала она.

Заам стоял в стороне и внимательно наблюдал за девушками.

– Вы собираетесь наполнять свои кувшины водой или мне это сделать за вас?! – прокричал он.

Девушки послушно спустились к роднику. Заам подошел к ним.

– Так ты оставила здесь свой кувшин? – спросил он у Пачи.

– Да, – не поднимая глаз, ответила она.

– Ты была при этом? – спросил Заам, обращаясь к Леме.

Лема отрицательно покачала головой. Заам еще раз осмотрелся вокруг.

– Ладно, кто бы тебя ни спугнул, я найду его и разберусь с ним по-мужски, – сказал Заам.

– Он ничего плохого мне не сделал! – встрепенулась Пачи.

– Лучше молчи, – одернула ее Лема. Заам сердито посмотрел на сестру.

– Я лишь узнаю, что ему от тебя нужно, если ты не против! – с укором добавил он. Пачи смиренно опустила глаза.

Молча наполнив кувшины водой под настойчивый говор неугомонной реки и водрузив их на плечи, девушки отошли в сторону. Заам, наклонился к роднику и сделал несколько глотков воды.

– Мы готовы идти, – сказала Лема чуть погодя.

– Да, пора возвращаться, – сказал Заам, утирая капли воды с подбородка, напоследок оглядевшись вокруг еще раз.

Он довел девушек до оживленного места и попросил остановиться.

– Дальше пойдете сами. Я задержусь здесь ненадолго и догоню вас чуть позже, – сказал Заам.

– Не задерживайся, – не смея больше возражать брату, только и сказала Пачи.

– Пойдем, – сказала Лема, разворачивая Пачи за плечо. – Не волнуйся, – Лема обернулась к Зааму, – Пачи будет ждать твоего возвращения дома.

– Спасибо, Лема, – будто извиняясь, ответил Заам. – Будьте осторожны.

И девушки отправились в обратную дорогу. Шли молча. Пачи изредка украдкой поглядывала на Лему, та делала вид, что не замечает ее. Когда впереди показались очертания родного села, Лема вздохнула с облегчением.

– Интересно, зачем Заам остался? – первая заговорила Пачи.

– Вот и спросишь его, когда он вернется, – ответила Лема.

– Да, если смелости наберусь! – заметила Пачи.

Лема удивленно посмотрела на Пачи.

– Судя по твоим последним поступкам, смелости тебе не занимать! – заключила она.

– Ну хватит уже дуться на меня! – умоляя подругу, попросила Пачи. – Молчишь всю дорогу, я ведь знаю, тебе есть что сказать.

Тут Лема резко остановилась, поставила кувшин на землю и развернулась к Пачи.

– Знает она! Ничего ты не знаешь! – не сдерживая гнева, заявила Лема. – Влюбилась в кого-то, пошла к нему на свидание и ничего не сказала мне – своей лучшей подруге?!

– Что? – не зная куда деваться от возмущения, произнесла Пачи и рывком сняла кувшин с плеч. – С чего это ты взяла, что я влюбилась?

– С того! А то по тебе не видно! – не сомневаясь в своей правоте, сказала Лема. – Ты думаешь, я не узнала того парня с родника, с которого ты глаз не сводила, прячась за деревьями?

– А разве не ты, не стесняясь, увивалась вокруг него? Да еще и песню с намеком пела! – парировала Пачи.

– Посмотрите-ка на нее, она уже ревнует! – возмутилась Лема.

– Кто – я? Это я ревную? – переспросила Пачи и встала «руки в боки». – Да я даже не знаю его толком.

– При этом доверилась ему настолько, что, не предупредив никого, пошла к нему на встречу? – заметила Лема.

– Он застал меня врасплох: я дала обещание, что приду, и не могла его не сдержать! – оправдывалась Пачи.

– Смотрите, какая честная! Может, ты и замуж за него выйти пообещала? – не отставала Лема.

– Он не просил об этом, а то бы пообещала! – назло подруге ответила Пачи.

– Попросит обязательно, вот увидишь! – заверила Лема. – Надеюсь, хотя бы на свадьбу позовешь.

Пачи изумленно глянула на подругу.

– Да ну тебя, Лем. У тебя одни свадьбы на уме! – отмахнулась от нее Пачи.

– А у тебя разве нет? Вот и сестра твоя двоюродная, Либи, послезавтра замуж выходит. И ты, видно, скоро. Как тут не задуматься?! – посетовала Лема.

– Ох, только не прибедняйся. Будто я не вижу, как вы с Заамом переглядываетесь! – Пачи изобразила томный взгляд.

– Что? Да я его с детства знаю! – стараясь говорить спокойно и не выдать себя, сказала Лема.

– Да-да, конечно, только я тебе так просто не отдам своего брата, и не думай даже! – Тут подруги, не сговариваясь, посмотрели друг на друга и звонко рассмеялись, растревожив своим звонким смехом полуденную тишину.

Вдоволь насладившись этим занятием, девушки вернули свои кувшины на плечи и поспешили домой. Дом Пачи по пути от родника стоял ближе дома Лемы. Подходя к жилищу, Пачи заметила свою мать – Лоли. Она, волнуясь за дочь, прохаживалась у калитки, и, заметив девушек, быстрым шагом пошла к ним навстречу.

– Ну куда вы, запропастились?! – сказала она с облегчением и взяла у обеих кувшины.

– Не надо, мам, они тяжелые, – помогая матери, сказала Пачи. Лема, придерживая свой кувшин, тоже старалась помочь.

– Что же вы так долго? Я беспокоилась о вас! – Лоли, обхватив девушек за плечи, привлекла их к себе и по очереди поцеловала каждую в лоб. – Наверное, ручей теперь течет на самой высокой горной вершине? – сказала она и улыбнулась.

Девушки заулыбались ей в ответ. Добрый нрав и мягкое сердце – вот что отличало Лоли от многих других. Она не журила своих детей по пустякам, и Пачи с Заамом знали: что бы ни случилось, мать всегда будет на их стороне. Несмотря на всю свою покладистость, за детей она стояла несокрушимой горой. Лоли безумно их любила, и они отвечали ей взаимностью.

Пачи посмотрела на мать: с годами она совсем не утратила своей красоты, возраст лишь подчеркнул ее особенность, которая шла изнутри и красила все вокруг. Лоли расслабила объятия и пропустила девушек вперед.

– И сына своего я что-то давно не видела, – говорила она им вдогонку.

– Не волнуйтесь, он скоро будет дома, – ответила Лема, немного опередив Пачи, и от этой неловкости смущенно опустила глаза. Лоли, заметив это, многозначительно посмотрела на Пачи.

– Похоже, теперь за Заама отвечает Лема, – отметила она. – Ну тогда и беспокоиться не о чем.

– Он был с нами, но решил задержаться ненадолго, – ответила Пачи.

– Ладно, не маленький уже, сам разберется! – заключила Лоли. – Пойдем в дом, вскипятим воду, что вы так долго несли, и заварим вкусный чай!

– Спасибо, но мне пора домой, – отозвалась Лема.

– Может, все-таки зайдешь? – настаивала Лоли. – Попьем чаю с медом, а потом я провожу тебя.

– Пойдем, – вторила ей Пачи, увлекая подругу за руку в сторону калитки. – Может, и Заам скоро вернется?!

– Тем более мне лучше уйти, – сказала Лема, высвобождая свою руку, бросив на Пачи сердитый взгляд. Пачи обиженно опустила глаза.

– Завтра увидимся, – попыталась сгладить ситуацию Лема и посмотрела на Пачи. Затем, обернувшись к Лоли, добавила: – Хорошего дня и еще раз спасибо за приглашение.

– Долгих лет тебе жизни! – ответила Лоли.

Слегка приобняв милую женщину, а потом и Пачи, Лема, таким образом, попрощавшись в ними, как и положено близким людям, поспешила домой. Постояв еще недолго, провожая Лему взглядами, мать и дочь, пройдя через калитку и двор, вошли в дом. Пачи, выказывая уважение, пропускала мать вперед, но та настаивала, чтобы дочь прошла первой. Пачи, чувствуя неладное, терялась в догадках: что это: проявление заботы или мать сердита на нее? Ведь младшим полагалось всюду пропускать старших, даже сидеть в присутствии старших было недопустимо без особого на то разрешения. Не тратя времени на размышления, Пачи молча повиновалась. Она разулась, поставила кувшин на глиняный пол и посмотрела на Лоли. Мать подошла к ней и, приподняв ее голову, взявшись за подбородок, глядя прямо в глаза произнесла:

– Не знаю, где ты была и чем занималась, но, надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Ты уже не маленькая и должна понимать, что за все в этой жизни нужно нести ответственность. Я тебе доверяю и знаю, что на плохое ты не способна. Но впредь учти: прежде чем что-то сделать, подумай о последствиях. Ты меня поняла?

Пачи опустила голову.

– Ты меня поняла? – выделяя каждое слово, повторила Лоли свой вопрос. Пачи кивнула головой.

– А теперь накрой на стол и позови отца. Я выйду во двор, встречу Заама, – добавила Лоли и закрыла за собой дверь. Пачи выдохнула с облегчением, заправляя волосы под платок.

А Батал меж тем не терял времени даром. В поисках благовидного предлога, чтобы появиться на свадьбе вместе с Идрисом, недолго думая, он решил обратиться за помощью к Куло. Тот по счастливому стечению обстоятельств жил по соседству с людьми, во дворе у которых была назначена свадьба. От него Батал узнал, кто они и их ближайшие родственники и что в воскресенье они выдают замуж свою единственную дочь.

– Мне с другом очень нужно быть на этой свадьбе, – обращаясь к Куло, сказал Батал, – ты сделаешь для меня большое дело, если сможешь туда попасть.

– А почему тебе это так необходимо? – спросил Куло.

– Я ищу одного человека, – Батал сделал паузу, слегка замешкавшись, – вернее, девушку, и я думаю, что она будет на этой свадьбе.

– Все понятно, – недвусмысленно выразился Куло, пристально посмотрев на Батала. – Надеюсь, намерения твои чисты?

– Можешь не сомневаться, – заверил его Батал, – даю тебе свое слово, – и он положил руку на грудь.

– А друга в помощники берешь? – поинтересовался Куло

– В таких делах без помощи не обойтись, – ответил Батал. Куло внимательно посмотрел на Батала.

– Так и быть, поручусь за вас, представлю своими друзьями. Надеюсь, я не пожалею об этом? – ответил он.

– Я ведь дал тебе свое слово, – повторил Батал.

Куло немного задумался, а затем, протянув Баталу руку, сказал:

– Хорошо, встретимся утром в воскресенье у моего дома, только не задерживайтесь.

Батал, одобрительно кивнув головой, протянул ему руку, и они скрепили договор рукопожатием. Расчет был верен. Ингуши – народ гостеприимный, отзывчивый и приветливый. Доброму соседу рады не меньше, чем близкому родственнику. Куло мог запросто по-соседски войти во двор к любому из своих односельчан, лишь назвав свое имя. И Батал не постеснялся попросить его об одолжении, ведь Куло был еще молод – лет двадцати пяти, не более. И кто знает, был бы он постарше, хватило бы у Батала решимости обратиться к нему за помощью в таком деликатном деле? Навряд ли...

Батал вернулся домой взволнованным, предвкушая завтрашнюю встречу. Он почему-то был уверен, что она состоится, и даже не хотел допускать мысли об обратном. Юноша рассуж-

дал логически: Пачи пришла на «Белхи» – значит, придет и на свадьбу, если только не случится что-то непредвиденное, но об этом он не желал и думать.

Еще у ворот Батал заметил хрупкую фигуру матери и, спрыгнув с коня, быстрым шагом направился ей навстречу. Мать почувствовала его волнение, когда он, поздоровавшись, обнял ее, приложившись щекой к покрытой плотным платком голове.

– Как ты, мам? У нас все в порядке? – на ходу спросил он и вошел в дом.

– У нас все хорошо, – спокойно ответила она. – А ты где был, чем занимался? – спросила она, следуя за сыном.

– Да вот помощнику тебе искал, – шутя ответил Батал, не решаясь поднять на мать глаз.

Она подошла поближе, обтирая руки о длинное серое хлопковое платье.

– Мне? Помощнику? Да я и так справляюсь! – не понимая, о чем это сын говорит, переспросила мать.

– Присядь, мам, а я тебе все объясню. – Батал взял ее за плечи и подвел к скамье. Мать пронзительно посмотрела на сына, прищуривая серебристо-серые глаза.

– Ты что, жениться собрался? – не веря своим собственным словам, спросила она, присаживаясь.

– А что, ты против? – заглянув ей в глаза спросил Батал. – Ты ведь сама недавно говорила мне об этом. Мать только покачала головой, приложив руку к щеке.

– Я и не знала, что у меня такой послушный сын! – заметила она. – Помощнику он искал, а может, все-таки жену себе?!

Батал виновато поднял брови.

– И что, нашел?

Батал только было хотел рассказать матери обо всем, что произошло за последние несколько дней, о том, как встретил девушку – красивую, умную, смелую, о том, как отчаянно искал ее, думал, что потерял, а затем неожиданно нашел и теперь так близок к цели, но его остановил голос отца, доносившийся со двора.

– Ажй, – кричал мужчина, обращаясь к своей жене, – наш сын вернулся домой?

Мать встрепенулась, поднялась со скамьи и пошла ему навстречу.

– Вернулся, – ответила она, увидев мужа. – А чего ты кричишь, Берд?

– Чтобы ты меня услышала, – удивленно ответил он.

Батал вышел на порог и посмотрел на родителей. Время не пощадило их. Суровые условия жизни в горах сделали свое дело. Он был поздним и единственным их ребенком. Отцу было за тридцать, а матери более двадцати, когда он появился на свет, такой долгожданный и желанный, и стал смыслом их нелегкой жизни. Но за последние три года, как Батал организовал свое дело – занялся мясной торговлей, многое изменилось к лучшему. Рядом с родовой башней, что досталась в наследство от предков, возвели невысокую, но просторную каменную постройку из трех комнат, которую начинал сооружать еще отец, и облагородили территорию вокруг. Во дворе были небольшая конюшня, сарай с хозяйственной утварью, коровник и овчарня для домашней скотины, а еще совсем недавно Батал приобрел фаэтон¹⁶ для матери, чтобы, отправляясь далеко от дома, она не утруждала себя долгой ходьбой. Но он чаще простаивал без дела. А отец, несмотря на свою надорванную спину, все еще гарцевал верхом на гнедом жеребце, которого Батал выбирал для него с особым усердием. Что и говорить, сын, как только мог, старался облегчить и скрасить жизнь своих горячо любимых родителей. Батал подошел к отцу, обнял его коренастую фигуру и посмотрел на его испуханное морщинами лицо с выразительными темными глазами под густыми, четко очерченными бровями с прямым носом и крупными губами.

– Я только что вернулся домой, па. Ты искал меня? – спросил Батал.

---

¹⁶ Легкая коляска с откидным верхом.

- Ты рано уехал, не предупредив. Что-то случилось? – поинтересовался Берд.
- Нет, па, все в порядке, – ответил Батал, – дело было срочное, я не успел попрощаться.
- Вы, молодые, все время куда-то спешите, – посетовал Берд, утирая носовым платком испарину со лба. – Идрис был с тобой? – спросил он, сделав небольшую паузу.
- Нет, я встречаюсь с ним завтра, – ответил Батал.
- Что-то он давно у нас не был. Вы не в ссоре случаем?
- Батал улыбнулся и покачал головой.
- Скорее звезды на небе погаснут, чем мы поссоримся, – ответил он, – завтра вечером приеду вместе с Идрисом, спросишь у него – он подтвердит мои слова.
- Такой дружбой надо дорожить, – сказал отец после короткого молчания, потирая подбородок. – Сколько вы знакомы?
- Два года, – ответил Батал. – Кто бы мог подумать, что случайное знакомство перерастет в крепкую дружбу!
- Два года назад ты подарил мне нового жеребца тебе было шестнадцать. Ведь вы познакомились именно тогда? – спросил Берд.
- Да, мы познакомились, когда я выбирал тебе коня. Идрис заметил его первым, и ему он очень приглянулся. Он почти рассчитался за покупку, но, узнав, что я покупаю коня для отца, благородно уступил мне. В благодарность за его мужской поступок я пригласил Идриса в гости к нам домой.
- Да-да, я помню этот день. Как горели его глаза, при виде этого жеребца, но он держался с достоинством! – вспоминал Берд с восхищением.
- Таков он и есть, таким он и остался, – добавил Батал. Берд одобрительно закивал головой.
- Ну что вы стоите у порога? – вмешалась Ажи, – поговорить и в доме можно.
- Солнечный луч упал ей на лицо, красивые черты которого достались сыну. Она прищурила глаза и поднесла одну руку ко лбу, закрываясь от солнца, другой – придерживая платок. Батал взглянул на мать: хоть и выглядела она старше своих лет, но стати своей не утратила: ровная осанка, ладная фигура, не изменившаяся с возрастом, которую не скрывало даже простое серое платье в пол. И только руки с огрубевшей кожей и выступающими венами выдавали в ней труженицу.
- И правда, что мы стоим? Пойдем в дом, – отозвался отец.
- Пропуская Берда вперед, все трое вошли в дом.
- Ажи, накорми сына с дороги и меня вместе с ним, – присаживаясь к столу, сказал Берд.
- Батал встал у стола, помогая матери накрыть его: куски вареного мяса, горячий бульон, кукурузные лепешки – все то, что традиционно подавалось к столу.
- А ты чего стоишь? Присаживайся, – сказал Берд, обращаясь к сыну, указывая на треножный стул рядом с собой, – я разрешаю.
- Спасибо, пап, приятного тебе аппетита, но я не голоден, – ответил Батал. – Если вы не против, я пока пойду к себе, – обращаясь к родителям, сказал он. – Мам, а ты пока, пожалуйста, завари мне чай покрепче.
- Может, лучше теплого молока с медом? А то вон какой заведенный, – предложила Ажи.
- Нет, чай, если можно, – попросил юноша, подошел к матери, приобнял ее и прижался своей головой к ее, – и добавь в него молока.
- Или садись за стол, или иди уже по своим делам, – прервал их идиллию отец, – а то развели тут телячьи нежности.
- Батал с улыбкой взглянул на мать и послушно удалился.
- Ну что ты заладил: «Садись, садись»? Ведь знаешь же, что при тебе он не сядет, – пожурив мужа рассерженная Ажи.

– Я ведь разрешил, мог бы и присесть. Да, видно, сыт он чем-то более сладким, – заметил Берд и продолжил свою трапезу. Ажи лишь покачала головой.

...Весь день накануне свадьбы своей двоюродной сестры Либи Пачи провела в доме невесты, помогая ей подготовиться к завтрашнему событию. Нужно было красиво упаковать личные вещи невесты и подарки для самых близких членов семьи жениха. Отец Либи, Солтамак, был родным старшим братом Лоли – матери Пачи. Девушки – почти ровесницы – были дружны с детства. И Либи, как старшая – практически на два года – сестра, всячески опекала Пачи. Но в эти дни Пачи стала ее главной помощницей. Присутствовали здесь и прочие близкие родственники, но среди всех Либи выделяла Пачи за ее удивительную способность во всем видеть хорошее и смелость открыто сказать о том, о чем другие промолчат.

С удовольствием предаваясь предсвадебным хлопотам, девушки весело проводили время, и только Либи грустила, понимая, что, покинув отчий дом, она навсегда попрощается с прежней жизнью и станет неотъемлемой частью семьи своего будущего мужа. Заметив ее печальное настроение, Пачи предложила, обращаясь к девушкам:

– А давайте споем?! – и сама себе удивилась, она не очень-то любила это занятие. – Только что-нибудь веселое, грустить нам ни к чему, – заявила Пачи и посмотрела на Либи. – Жаль, что Лема не смогла прийти, она у нас мастер по этой части, много разных песен знает!

И девушки дружно расхохотались, вспомнив удивительную способность Лемы распевать подходящую песню по любому поводу. Тут вошла Марет – мать Либи, женщина высокого роста с нахмуренным лицом.

– Чего вы так шумите? – сказала она, окинув комнату сердитым взглядом. – Полон двор людей, подумают еще недоброе!

Девушки замолчали, переглядываясь, а потом, не сговариваясь, запели:

– Ой, мама, не говори его забыть! Ой, мама, не говори его оставить!

Марет, сменив выражение лица, улыбаясь, покачала головой.

– Да ну вас! – только и сказала она и вышла из комнаты, а девушки продолжили сборы под мелодичное пение.

Лишь поздно вечером Пачи с родными вернулась домой, и ей еще предстояло подготовить наряд к завтрашнему дню, но на это требовалось не так уж и много времени. Гораздо сильнее беспокоило чувство непонятого томления в груди, накрывшее ее вдруг, будто это ей предстояло выйти замуж, а вовсе не Либи. Успокоив себя тем, что это, скорее всего, переживания сестры, передавшиеся ей, Пачи, наконец, спокойно уснула...

Чуть смеркалось, когда Батал отвел своего коня в стойло, напоил, накормил его, привел в порядок, подготовив к завтрашнему важному дню. Полночи он не сомкнул глаз. Батал очень надеялся, что завтра все-таки сможет объясниться с Пачи, сказав о своих чувствах. А потом, подбирая нужные слова, не заметил, как безмятежно уснул.

Наступил день свадьбы. Батал проснулся с первыми лучами солнца и больше уже не смог уснуть. Взволнованный, он оделся и вышел во двор. Родители еще отдыхали, и юноша решил не беспокоить их. День набирал свою силу, Батал глубоко дышал, наслаждаясь утренней прохладой, пытаясь унять накатившее волнение, но оно не отступало. Тогда юноша решил прогуляться к горной реке, протекавшей неподалеку, и освежиться ее ледяной водой. Там, у реки, среди красот окружавших его горных пейзажей, он немного успокоился. Вернувшись к себе, он переоделся. Батал выбрал белую рубаху под горло, поверх нее надел черкеску глубокого вишневого цвета, подпоясался тонким черным кожаным ремешком, закрепив на нем кинжал с серебряной рукоятью в серебряных ножнах. На ноги надел ноговицы¹⁷ из гладкой черной кожи. На голову водрузил высокую шапку-папаху из каракульчи. Довольный своим внешним видом,

---

¹⁷ Одежда, облегающая ноги, изготавливаемая из разных материалов.

он вышел из дома, на ходу выпив холодного молока, заботливо оставленного пробудившейся к тому времени матерью. Подходя к конюшне, Батал увидел отца.

– Доброе утро! – поприветствовал он его. Берд обернулся. – Как ты провел ночь? – спросил Батал.

– И тебе доброго утра, – ответил Берд и, окинув сына оценивающим взглядом, поинтересовался: – Ты куда это собрался в такую рань?

– По одному очень важному делу, – взволнованно ответил Батал, – и, если я тебе не нужен, я поспешу.

Берд удивленно поднял брови и посмотрел на сына.

– Что ж, дело ясное, – заключил он, – смотри только голову не потеряй, сын, будь осторожен.

Батал кивнул, в знак согласия и, не поднимая головы, замер на месте, ожидая дальнейших отцовских указаний.

– Ну давай уже, иди быстрее, а то опоздаешь! – сказал отец и похлопал сына по плечу, подгоняя его.

– Вечером вернусь с Идрисом, как и обещал, – на ходу сказал Батал. Берд закивал головой.

– Хорошей тебе дороги, – напутствовал отец.

Оседлав своего верного коня, Батал направился к роднику на встречу с Идрисом, где несколько минут, проведенных в ожидании, показались ему вечностью. Издали заметив друга, Батал облегченно выдохнул.

– Я что, опять опоздал? – виновато спросил Идрис, спешиваясь.

– Нет, что ты! Это я приехал раньше положенного, – ответил Батал, скрывая волнение, и протянул Идрису руку для рукопожатия. Идрис ответил тем же, рассматривая друга.

– Ты нарядный какой! – принялся за свое Идрис.

– А ты нет, что ли? – смущаясь, ответил Батал.

– Я же должен поддержать друга! Или ты меня не за этим позвал? – спросил Идрис.

Юноша действительно был одет так же красиво, как и Батал, только череска насыщенного темно-коричневого цвета придавала особый оттенок его зеленым глазам. Друзья были похожи, как братья: почти одного роста, стройные, широкоплечие. Хотя, если присмотреться внимательнее, разница становилась очевидной: светлые, цвета ореха, вьющиеся мягкой волной волосы, прямой, чуть курносый нос у Идриса и темные, цвета вороньего крыла, прямые струящиеся волосы, ровный, заостренный у кончика нос у Батала, разный разрез глаз и форма губ. Но в целом создавалось обманчивое впечатление их сходства.

– Ну пойдем уже, покажешь мне свою Пачи! – продолжал Идрис.

– Ты же здесь, чтобы поддержать меня или чтобы увидеть Пачи? – уколол друга Батал

– И за тем, и за другим, – не растерялся Идрис, задорно вскинув брови.

– Посмотри-ка на него! – Батал покачал головой.

– Да ладно тебе, что ты такой напряженный? – произнес Идрис. – Успокойся, а то она сбежит от тебя снова.

– На этот раз я сделаю все как положено, – уверенно сказал Батал

– Тогда что мы тут стоим и время теряем? – спросил Идрис

– Подожди, – остановил его Батал, – время еще есть. Расскажи мне, как идут дела в нашей мясной лавке.

– Дела идут хорошо, торговля бойкая, мне даже пришлось немного поработать продавцом! – отозвался Идрис. – Но давай об этом позже, сейчас есть дело поважней. Ты, кстати, придумал, как нам попасть на эту свадьбу? – он заинтересованно взглянул на Батала.

– Да, нам поможет Куло, – ответил Батал.

– Куло? Тот самый Куло? – переспросил Идрис.

– Он ведь живет по соседству. Я попросил его помочь, – ответил Батал.

– И что, он согласился? – поинтересовался Идрис.

– Да, он будет ждать нас у своего дома, а потом проведет в нужный нам двор, – заверил Батал.

– И как это пришло тебе в голову? Молодец! – похвалил друга за находчивость Идрис. – Тогда по коням?

– По коням! – бодро ответил Батал. И два друга помчались, обгоняя друг друга, рассекая горные просторы.

Куло ждал их, как и было договорено, у своего дома. Узнав в одном из приближающихся всадников Батала, он сделал несколько шагов навстречу.

– Нас уже встречают, – обращаясь к Идрису сказал Батал, обернувшись к нему, – прибавим ходу!

Идрис слегка кивнул в знак согласия, и друзья припустили коней. Поравнявшись с Куло, они спешили и привязали коней к деревянной ограде. Протянув поочередно руки для рукопожатия, Батал и Идрис поздоровались с Куло.

– Это мой друг, о котором я тебе говорил, – сказал Батал указывая на Идриса рукой. Куло, посмотрев на юношу, одобрительно кивнул головой.

– Я помню его. Вы как-то приходили ко мне вместе, – сказал Куло.

– Я Идрис из рода Газди, – подтверждая свои добрые намерения, представился он.

– Я Куло из рода Морчхой, – кивнув Идрису, ответил приветливый парень. – Если все в сборе, мы можем идти, – сказал он, и все трое устремились вперед.

Вокруг былолюдно. Гости собирались на свадьбу: кто пешком ходом, кто верхом на лошадях, а кто-то и на фаэтонах – этой своего рода роскоши, которую не каждый мог позволить себе. Батал с пристрастием глядел по сторонам.

– Не утруждайся, – заметил Идрис, – если они близкие родственники, то наверняка уже прибыли, – сказал он, обращаясь к Баталу.

– Я просто осматриваюсь на всякий случай, – слукавил Батал.

– Ну да, конечно, – спокойно сказал Идрис, демонстративно остановился, положил руки на пояс, просунув большие пальцы через тонкий кожаный ремешок и завертел головой по сторонам, – я тоже осмотрюсь, пожалуй.

– Перестань, некрасиво так себя вести, – попросил Батал и схватил его за локоть. Куло подозрительно посмотрел на обоих.

– Ладно, ты прав, они действительно близкие родственники, – вполголоса заговорил Батал, увлекая за собой Идриса. – Девушка, которая сегодня выходит замуж, – дочь родного брата матери Пачи.

– Тогда лучше искать ее в доме, – заключил Идрис.

– То-то и оно, – согласился Батал, – только как это сделать?

Куло шел чуть впереди. Подойдя к нужному двору, он остановился, пропуская Батала с Идрисом вперед. Затем вошел сам.

– Добро пожаловать! – приветствовал гостей хозяин дома.

– Здравствуй, Солтамак! – ответил Куло и обнял его. – Как у вас дела? Все живы здоровы? – как и полагается, продолжал Куло.

– Все хорошо, – отозвался Солтамак. – А как вы? Надеюсь, в здравии поживаете?

– Да, у нас все в порядке, – ответил Куло. – Это мои друзья, – сказал он, указывая на Батала с Идрисом. – Они приехали ко мне утром, и я взял на себя смелость позвать их с собой.

– Ты правильно поступил, – ответил Солтамак, – гостям в нашем доме всегда рады. Батал и Идрис, в свою очередь, поздоровались с гостеприимным хозяином.

– Ну что мы тут стоим? Проходите во двор, – сказал Солтамак, – Куло, веди наших гостей и сам проходи.

Друзья вошли во двор. Юношей подвели к столу под одним из обустроенных навесов, за которым сидели такие же молодые парни, как и Батал с Идрисом. Все они тут же поднялись и, поприветствовав гостей, предложили им сесть во главу стола, на самые почетные места. Поблагодарив за проявленное почтение и извинившись за причиненное беспокойство, Батал с Идрисом сели на свободные места, коих было предостаточно, попросив, при этом всех стоящих у стола парней вернуться на свои. Тут же меж молодыми людьми завязалась непринужденная беседа.

Хозяин дома Солтамак остался у ворот встречать прибывающих гостей. Мужчин размещали под поставленными к свадьбе во дворе навесами, женщин приглашали в дом. Мужчин обслуживали молодые юноши, женские столы накрывали девушки на выданье – так будущие свекрови могли присмотреть себе снох, оценивая их умение угождать гостям за столом.

Невеста в ожидании своих будущих родственников коротала время с остальными незамужними девушками, среди которых были и Пачи с Лемой. Жениху, по давней традиции, не разрешалось быть на собственной свадьбе, демонстрируя своим присутствием желание стать женатым человеком перед многочисленной родней.

Приехав рано утром с родителями, Заамом и Лемой, отпросив ее у родных, Пачи не покидала комнату невесты, помогая ей с последними приготовлениями. Незамужней девушке, как ближайшей родственнице по материнской линии с живыми и здоровыми родителями, отвели важную роль: одевать невесту в свадебный наряд. Впрочем, ее собственный наряд, который, так красил Пачи, произвел на родных сильное впечатление. Все вокруг отмечали красоту девушки и предрекали ей скорое замужество, чем заметно огорчали Лоли. Она хоть и гордилась дочерью, но еще не была готова с ней расстаться.

Меж тем всех охватила свадебная суета, и мелодия лезгинки, разлившаяся по двору, прозвучала как нельзя кстати. Услышав звуки знакомой каждому горцу и горянке музыки, Батал встrepенулся и, наклонившись к Идрису, тихо сказал;

– Я подойду поближе к музыкантам, поищу Пачи там, среди девушек, а ты пока останься здесь, посматривай.

– На кого смотреть? – удивился Идрис. – Я ведь даже не знаю, как она выглядит!

– Невысокого роста, стройная, темные волосы, смуглая кожа, большие карие глаза, маленький прямой нос, красивые губы.

– Ты серьезно?! – тихо возмутился Идрис. – Под такое описание подойдут многие девушки здесь!

– Ты не понимаешь! Она такая одна! – рассердился Батал.

– Как скажешь, – согласился Идрис, – только вряд ли ты увидишь ее среди танцующих. Она наверняка в доме с невестой, где ей и положено быть, ведь, как я понял, они двоюродные сестры.

Батал опустил голову, решая, как лучше поступить.

– В дом мы не войдем – это исключено! – сказал он немного погодя. – Так что выбирать особо не из чего, я все равно пойду, а вдруг мне повезет, и она появится поблизости.

– А я пройду по двору, – сказал Идрис, – как только заметишь Пачи-дай мне знать.

Батал утвердительно кивнул головой. Друзья, извинившись, встали из-за стола.

Глава 4

Зажигательный ритм лезгинки ворвался в комнату невесты через распахнутое окно, взбудоражив девушек.

– Лем, походи потанцуй, я же знаю, как ты это любишь! – подначивала Пачи, поглядывая в окно из комнаты невесты.

Прогуливаясь по двору, Идрис как будто невзначай подошел к дому и обошел вокруг. Когда Идрис проходил мимо открытого окна, ему вдруг привиделся желанный девичий облик, что так пленил его недавно у ручья. Юноша резко обернулся, но образ растворился, как не бывало. Не может быть, чтобы ему показалось! Идрис на мгновение задумался. Ведь он так и не решился рассказать Баталу, что все эти дни только и думал о той прекрасной девушке. Приятный аромат ее платка, что так неожиданно принес ему ветер, казалось, все еще витал в воздухе, которым он дышал, и с каждым вздохом он ощущал его все острее.

– Ты тоже любишь танцевать. Отчего же стоишь тут? – парировала Лема.

– Я не могу оставить Либи! Родственники жениха могут приехать в любой момент, а я должна одевать невесту! – ответила Пачи.

– Время еще есть, – вдруг тихо заговорила Либи. – Пачи, пожалуйста, мне так нравится, как ты танцуешь. Пойди порадуяй меня напоследок.

Пачи посмотрела на сестру: она выглядела такой встревоженной, потерянной, хоть и изо всех сил пыталась это скрыть. Ее хрупкая фигурка, казалось, стала еще меньше, она то и дело поправляла свои светлые волосы, в глазах стояли слезы. Пачи подошла к Либи и крепко прижала ее к себе

– Ну что ты такое говоришь? Мы еще обязательно увидимся! – уверенно сказала Пачи.

– Кто знает, когда теперь! Я ведь стану замужней женщиной, – с грустью ответила Либи, промокая платком чуть припухший от слез нос.

Подумав недолго, Пачи решительно заявила:

– Если это доставит тебе удовольствие, я пойду и станцюю для тебя.

Либи оживленно закивала головой и заулыбалась.

– Так тому и быть! – с этими словами Пачи ринулась к выходу.

– Что ты надумала? – пытаюсь вразумить подругу, заговорила Лема. – Тебе нельзя оставлять невесту!

– Я здесь для того, чтобы угодить невесте. И сейчас невеста хочет, чтобы я станцевала для нее, и я это сделаю – во что бы мне это ни стало! – отчеканила Пачи.

«Вот отчаянная», – подумала Лема, но вслух не стала возражать, все равно это было бесполезно. Но все же последовала за подругой...

Девушки и юноши – желавшие танцевать, и те, кто просто хотел посмотреть, как танцуют другие, – образовали небольшой круг, который замыкали музыканты. Девушка-гармонистка и паренек-барабанщик сидели рядом, устроив музыкальные инструменты на коленях. Девушка с улыбкой на лице широко растягивала меха гармони, при этом бойко перебирая пальцами белые клавиши; паренек с усердием отстукивал раскрасневшимися ладонями по барабану четкий ритм, проделывая это с необычайной легкостью. Оба задорно переглядывались, подбадривая друг друга, передавая окружающей молодежи свое настроение. Батал стоял среди них. Идрис прохаживался возле дома. Встретившись с Баталом взглядом, Идрис вопросительно вскинул брови. Батал едва заметно повертел головой в разные стороны. Оглядевшись по сторонам, он не спеша подошел к Идрису.

– У тебя тоже ничего? – удрученно спросил Батал. Идрис пожал плечами.

– Ты помнишь, – начал Идрис, – я говорил тебе о девушке, которую встретил в тот день, когда спешил на неожиданно назначенную тобой встречу?

Батал кивнул головой.

– Мне кажется, я видел ее здесь!

Батал внимательно посмотрел на друга.

– Ты все еще думаешь о ней? – спросил он, участливо глядя на друга.

– Да, – ответил Идрис. – Тебе кажется это странным?

– Странно то, что ты до сих пор молчал об этом! – ответил Батал. – Говоришь, видел ее здесь? – переспросил он.

– Может, мне все-таки показалось? Ну как такое возможно? – недоумевал Идрис.

– А может, нам двоим сегодня повезет! – заключил Батал и положил руку Идрису на плечо.

Друзья хотели было отойти в сторону от дома, как вдруг оба резко обернулись на звуки девичьего голоса.

– Лема, даже не пытайся остановить меня! – Пачи появилась на пороге, словно выросла из-под земли.

Возмущенная настойчивостью подруги, она вдруг остановилась как вкопанная, не поверив своим глазам, когда увидела прямо перед собой Батала и другого парня, лицо которого почему-то показалось ей знакомым. «Но, как эти двое оказались здесь и почему они вместе?!» – терялась она в догадках. Было очевидно, что юноши знакомы. Батал и Идрис стояли как замороженные и не могли оторвать от девушки глаз. Пачи стояла совсем близко в плотно облегающем ее точеную фигурку платье в пол цвета спелой черешни, отделанном традиционной вышивкой в виде переплетающихся золотых спиралей на груди, на длинных рукавах и вокруг по подолу. Крой платья красиво подчеркивал высокую грудь и тонкую талию, перехваченную узким пояском. Цвет выгодно оттенял ее смуглую матовую кожу, золото вышивки, отражаясь, блестело в ее живых карих глазах. Волосы, собранные в тугую косу, прикрывал тонкий шелковый платок.

– Я знал, что мне не показалось! – восхищенно взирая на Пачи, сказал Идрис. Знакомый цветочный аромат ударил в нос, закружил голову.

– Пачи! – радостно произнес Батал, не обращая внимания на то, что сказал Идрис.

– Пачи?! – растерянно переспросил Идрис, – Это – Пачи? – пытаюсь понять происходящее, Идрис растерянно смотрел то на друга, то на красавицу, о которой грезил.

– Да, Идрис, это она! – с воодушевлением подтвердил Батал.

Тут только в голове у Идриса все сложилось, как в трудной головоломке. И как он раньше не догадался: девушка, в спешке покидавшая родник, которую Идрис встретил в тот самый день, когда Батал хотел познакомить его с той, в которую безоглядно влюбился, – с той, с которой он, Батал, так самозабвенно искал встречи и хотел связать свою жизнь. Девушка, которая сейчас стоит перед ними, прекрасна, как благоухающий цветок, и которая пленила сердце Идриса в ту самую минуту, когда, потянувшись за своим платком, взглянула на него своими невероятно красивыми глазами чайного цвета, взор которых проник в каждую клеточку его плененного сердца! И это все одна и та же девушка?! Это она – Пачи! И что же теперь ему делать? Как быть? Встать на пути друга – это бесчестно, да и не станет он делать этого ни за что на свете! Ураган мыслей бушевал в его голове, не желая утихнуть. Бесконечное отчаяние охватило душу! Идрис старался не глядеть на нее и не мог оторвать глаз. «Как же Пачи невозможно хороша! Лучше б мне не знать ее вовсе!» – в сердцах подумал Идрис и наконец отвел взгляд, но ненадолго. Гнев его прошел тут же, как не бывало, лишь только он взглянул на нее вновь.

От неожиданной встречи Пачи разволновалась, растерялась и уже хотела отступить, но столкнулась с Лемой, подоспевшей к ней.

– Пачи, – очнувшись, заговорил Батал, – пожалуйста, не уходи. Прошу тебя, удели мне немного времени, мне очень нужно поговорить с тобой!

Пачи обеспокоенно огляделась по сторонам, нужно было принять решение, на раздумья времени не было! Она пристально посмотрела на Батала.

– Я обещала невесте, что станцую для нее, – ответила девушка, скрывая волнение.

– Тогда позволь мне пригласить тебя на танец и станцевать с тобой, – попросил Батал. Идрис стоял молча, то опуская, то поднимая глаза, слушая их диалог.

– Пачи, пойдем, скоро за невестой приедут, – вмешалась Лема. – Или вернемся в дом, или сделай уже то, что пообещала!

– Я сделаю то, что обещала сестре! – сказала Пачи, не отводя взора от Батала.

Юноша расценил ее ответ как согласие, и все четверо, не сговариваясь, пошли к импровизированной танцевальной площадке, но по разные стороны. Батал и Идрис заняли свои места среди парней, Пачи с Лемой стали напротив, присоединившись к девушкам. Идрис робко поглядывал на Пачи. Он смотрел на нее, такую красивую и желанную, но теперь такую недосягаемую и будто терял опору под ногами. Он старался держать себя в руках, ведь он здесь ради друга, а дружба превыше всего. Батал стоял рядом в нетерпении, не сводя с Пачи глаз, боясь упустить ее.

Лишь только танцующая пара разошлась по разные стороны, Батал стремительно ворвался в круг и, оттачивая каждое движение рук и ног, поразил всех вокруг своим напором! Высокий, красивый, с гордо поднятой головой, округлив грудь, широко разводя руки, поворачивая кисть вовнутрь, сжимал пальцы в твердый кулак, разворачивая наружу, открывая кулак, раскидывал пальцы, при этом неистово перебирая ногами, словно вколачивая их в землю, Батал тут же захватил всеобщее внимание. Парни одобрительно закивали, переглядываясь между собой, и воодушевленно хлопали, подбадривая Батала. Девушки терялись в догадках: кому же повезет станцевать с таким красавцем? Каждая втайне думала про себя, и только Пачи знала для кого он так куражится. Она любовалась его танцем вместе с остальными, но, когда он остановился подле нее, приглашая на танец, она потерялась. Всякий раз, когда Батал оказывался рядом, Пачи теряла способность владеть собой. Заметив ее растерянность и разгадав ее возможные намерения, Идрис вышел из круга и обошел его с противоположной стороны. А Пачи, стыдливо опустив глаза и отвернувшись от Батала, пошла прочь, расталкивая удивленных девушек. «Нет, нет, только не это!» – подумал Батал, но, не подав вида, продолжил свой танец. Пачи сделала всего несколько торопливых шагов на пути к бегству, как вдруг перед ней возник тот самый парень, который пришел вместе с Баталом и которого, как ей показалось, она уже встречала раньше. Он перегородил ей дорогу своей мощной фигурой: высокий рост, крепкие плечи и руки, поставленные в боки, создавали такое впечатление. Он с вызовом смотрел на нее, не оставляя сомнения в своих намерениях. Пачи попыталась сделать шаг в сторону – он всем телом потянулся в ту же сторону, она ринулась в другую, он – за ней. Пачи поняла, что юноша не отступит, и сердито взглянула на него.

– Кто ты такой, чтобы удерживать меня тут?! – не сдержалась она.

– Я Идрис, друг Батала, – спокойно ответил он, слегка склонив голову, – прости мне мою дерзость, но позволь заметить, что ты поступаешь некрасиво, отказывая моему другу.

– Я ему ничего не обещала! – ответила Пачи и подняла свои черные, с крутым изгибом, брови.

– Разве? – Идрис пристально посмотрел на нее, шагнув навстречу.

Тут Пачи вспомнила, где видела юношу, вспомнила этот пронзительный взгляд. Так же точно он глядел на нее, возвращая платок, сорванный с ее головы неугомонным ветром. Пачи опустила глаза, смутившись своей догадке.

– Я думаю, тебе лучше вернуться и станцевать с Баталом, – сказал Идрис, – это всего лишь танец, он ни к чему тебя не обязывает.

В его взгляде было столько силы, а в словах столько уверенности, что Пачи не смела возражать. Она гордо вскинула голову, кивнула в знак согласия и не спеша вернулась в круг. Идрис смотрел ей вслед, утирая рукавом черески капли пота, проступившие на лбу.

Батал все еще танцевал. Поблагодарив за танец девушку, благоразумно вышедшую на замену убежавшей Пачи, он, покидая танцевальное поле, вдруг зачем-то обернулся в девичью сторону и от неожиданности на долю секунды застыл на месте: Пачи стояла чуть впереди остальных девушек и призывно смотрела на Батала, всем своим видом демонстрируя желание станцевать с ним. Счастливым юноша не заставил себя долго ждать. В одно мгновение оказавшись рядом с Пачи, он восхищенно посмотрел на нее и пригласил на танец. В ту же секунду они слились в танце. Сначала они просто описывали круги, присматриваясь друг к другу. Батал быстро, точно в такт музыке переставлял ноги, поднимая руки – одну прямую, вытянутую, другую, согнутую в локте, прижав к груди. Пачи, пристроившись под его вытянутой рукой, чуть повернувшись боком, одну руку – ту, что была ближе к Баталу, протянула вперед, слегка согнув, как бы отгораживаясь от него, другую держала параллельно его вытянутой руке, при этом плавно поворачивая кисти рук то внутрь, то наружу. Длина платья скрывала быстрые движения ее ног, и казалось, что Пачи плывет по земле, словно легкое облако по небесной глади. Батал следовал рядом, глядя на Пачи сверху вниз. Но потом вдруг незаметно подал знак музыкантам, и мелодия стала еще более зажигательной. Батал резко повернулся к Пачи и закружился подле нее, исполняя искрометную лезгинку. Парни тут же оживились, присвистывая и громко аплодируя лихому джигиту. А Батал, войдя в раж, выпятив грудь, размахисто вскидывая руки, с криками: «Асса! Асса!», продолжал свой неистовый танец, то оборачиваясь к парням, то возвращаясь к Пачи, кружа вокруг нее словно быстрый сокол. «Асса! Асса!» – распалая огонь его танца, выкрикивали парни, чуть наклоняясь, хлопая у его ног, а девушка терпеливо ждала своей очереди, танцуя на месте. Тут Батал развернулся к Пачи, крутанулся на одной ноге и упал на колено подле нее, сорвав с головы папаху и бросив ее оземь. Пачи, изящно поднимая на уровне плеч чуть согнутые в локтях руки и удерживая их в таком положении, быстро перебирая ногами, обошла вокруг Батала. Он хлопал ей, склонив голову. Описав круг, Пачи, продолжая свой танец, устремилась в сторону девушек. Батал, в рывке поднявшись с земли, вернул папаху на место, прижав ее к голове обеими руками, и последовал за Пачи. Поравнявшись, они переглянулись, бросив друг на друга многозначительные взгляды, и начали танцевальный поединок, будто две горные вершины сошлись в споре: кто выше и чья снежная шапка пышней?

Пачи плавно, но быстро перемещалась из стороны в сторону, игриво поглядывая на Батала через плечо, заставляя его бегать за собой, то летела прямо ему навстречу, взмахивая руками перед его лицом, то ловко ускользала за его спину. Юбка ее платья широко колыхалась вслед движениям тела, концы платка, переплетенные на груди, свисая с плеч на спину, трепетали на ветру. Батал вертелся как волчок, пытаясь поспеть за ней, а настигнув, резко менял направление движения танца, указывая его Пачи своей рукой, чем доводил ее до исступления. А то и вовсе поймал в ловушку у стана парней, приведя их в неопикуемый восторг, и Пачи пришлось изрядно покружиться, ища лазейку. Парни не унимались: «Непусти ее, не отпусти!» – ликовали они, когда Пачи в очередной раз не удавалось выбраться. При этом Батал не сводил с нее влюбленных глаз, не подпуская парней слишком близко, оберегая ее. Не желая проигрывать эту танцевальную схватку, Пачи повела головой, томно взглянув на Батала, и всем телом подалась к нему, на мгновение парализовав его волю, и сраженный юноша, нечего делать, отступил. Одержав маленькую победу, девушка, довольно улыбаясь, продолжила танец, поглядывая на Батала через плечо, ожидая: чем он ответит? Окончательно покоренный Пачи, Батал восхищенно глядел ей вслед, решаясь на отчаянный поступок, который мог стоить ему головы, но, совершая его, он демонстрировал девушке готовность рискнуть ради нее даже собственной жизнью! Батал стремительно нагнал Пачи, плавно водившую возведенными ввысь руками, словно ворожившую воздушными потоками, приковав к себе всеобщее внимание.

Юноша встал перед девушкой, глядя на нее в упор, чеканя ногами танцевальные шаги, поочередно приводя к груди то одну, то другую руку, то вскидывая обе, широко разводя. Пачи обомлела от его напора, от красоты его облика и движений и, разгадав его намерения, привела изогнутые руки к телу: одну под грудь, другую – отведя за спину, и закружилась на месте. В тот же миг Батал сорвал с головы папаху, подался к Пачи так близко, насколько это было возможно, одним быстрым рывком на вытянутых руках перемахнул вокруг ее талии своей головной убор, едва не коснувшись ее тела и, воодушевленный проделанным, вернул папаху на голову. Куражась, он кружил подле девушки, а она глядела на него изумленными глазами, оценив его ловкость и риск. Все это время за ними, не сводя глаз, наблюдали парни – родственники танцующей девушки, сложив руки на кинжалах, в любой момент готовые пустить их в ход. И если бы вдруг случилось неосторожное касание, парень ответил бы за это ценой своей крови! Но влюбленный Батал заплатил бы любую цену, лишь бы Пачи узнала, как сильно он желает ее! Признав свое поражение, девушка, покоровшись победителю, с гордо поднятой головой двигалась возле юноши, следуя выбранному им направлению в танце, иногда поглядывая на него и улыбаясь. Батал, не скрывая радости, округлив грудь, возведя руки вверх, шел, танцуя, рядом с Пачи, глядя на нее восторженным взглядом, не оставляя ее ни на минуту.

На это бурное веселье явился Заам, осмотревшись, оценил обстановку и подошел к Леме, ожидавшей, пока Пачи вдоволь насладится танцем со своим возлюбленным. Увидев Заама, она растерялась.

– Что здесь происходит? – спросил он, глядя на Лему.

– Ничего, – пытаюсь придать голосу уверенности ответила Лема, – просто лезгинка.

– Да нет, не просто! Шумите так, что за воротами слышно! С минуты на минуту приедут родственники жениха, подумают еще, что мы на радостях отдаем свою девушку! – недовольно добавил он.

– Или подумают, что здесь живут веселые люди, – сглаживая ситуацию, сказала Лема, натужно улыбаясь.

– Да уж, веселья через край! – Заам, рыская взглядом меж фигур впереди стоящих девушек, внимательно посмотрел на танцующую пару и не поверил своим глазам. – Это что, Пачи там танцует? – он недовольно нахмурил брови. – Вот неугомонная! – еще сильнее рассердился он. – А кто этот парень рядом с ней? Я не видел его раньше!

Лема пожала плечами и отвернулась. Заам размеренным шагом обошел вокруг Лемы и встал прямо перед ней.

– Уж не тот ли это провожатый Пачи? – спросил он, глядя ей в глаза. – Говори, Лема! Где я только не искал его, у кого только не спрашивал!

– Просто парень, – начала было Лема, но Заам грубо оборвал ее.

– Просто парень! Просто лезгинка! Как-то слишком все просто! – повышая голос с каждой фразой, бушевал Заам.

– Вот и спроси у своей сестры! – обиженно сказала Лема. – Что ты на меня кричишь?!

– Потому что ты меня обманываешь, – не унимался Заам, а ты не умеешь этого делать! – он махнул рукой, Лема отвела взгляд.

– Ладно сам разберись, – и он отошел в сторону.

Идрис, все это время со стороны наблюдал за танцем Пачи и Батала, чтобы в случае чего предотвратить возможное разоблачение, что он и попытался сделать, заметив перепалку синеглазой девушки и молодого юноши, подозрительно похожего на Пачи. Идрис, заподозрив неладное, всячески старался предупредить друга, бросая на него встревоженные взгляды, осторожно жестикулируя руками, привлекая его внимание. Но какое там – Батал был всецело поглощен Пачи. От нечаянной возможности побыть рядом с возлюбленной он напрочь забыл об осторожности. Все-таки друзья находились в чужом дворе, в гостях у незнакомых им людей, с которыми они не состояли даже в отдаленном родстве. И такое вызывающее поведение не

могло остаться незамеченным. Один из тревожных взглядов Идриса случайно перехватила Пачи. Продолжая танцевать, она смотрела на обеспокоенного юношу. Он глазами подал ей знак. Пачи, покружившись на месте, украдкой взглянула туда, куда указывал Идрис, и увидела Лему с Заамом, что-то бурно выяснявших между собой, и ей это не понравилось. Она остановилась, повернулась к Баталу и, положив руку себе на грудь, склонила голову, показывая таким образом, что танец окончен. И в тот же миг поспешно удалилась. Батал, не желая расставаться с любимой девушкой, недоумевал, чем вызвана такая спешка: «Или это у Пачи такая манера уходить без объяснения причины?!» Но делать было нечего, он прекратил свой танец, кивнул головой и только тогда заметил встревоженного Идриса. Батал тут же устремился к нему. Пачи попыталась незаметно вернуться в комнату невесты, Заам, заметив ее, бросился за ней.

– Пачи, остановись! Мне нужно кое-что спросить у тебя! – кричал он ей вслед.

– Не сейчас, Заам, меня Либи ждет, – на ходу отвечала Пачи, прибавляя шаг, намеренно избегая неприятного разговора.

– Постой! Я тебе говорю! – негодовал Заам, догоняя сестру.

Лема ринулась за ними.

Тут по двору, как по цепочке, разнеслась долгожданная весть.

– Приехали за невестой, прибыли родственники жениха, пора собирать невесту, – как нельзя кстати для Пачи переговаривались присутствующие. Воспользовавшись моментом, она ловко юркнула в дом.

– Что случилось? – спросил Батал подходя к Идрису.

– Давай скорее отойдем в сторону! – подхватив его за локоть, – сказал Идрис, – ты, друг, совсем голову потерял?! Подвергать такому риску себя и девушку!

– Да что случилось, можешь ты уже сказать?! – недоумевал Батал. – Я лишь хотел показать ей, насколько она мне дорога!

Идрис отвел взор, кивая головой.

– Вы с Пачи своим танцем привлекли внимание кого-то из ее близких родственников, – предположил он, вновь взглянув на друга.

– С чего ты это взял? – поинтересовался Батал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.